

**ЭТЕЛЬ
ЛИЛИАН
ВОЙНИЧ**

ОВОД

Овод

Этель Лилиан Войнич

Овод

«Public Domain»

1897

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Войнич Э.

Овод / Э. Войнич — «Public Domain», 1897 — (Овод)

ISBN 978-5-486-03834-1

Этель Лилиан Войнич (1864–1960) – английская писательница, дочь видного английского ученого и профессора математики Джорджа Буля. Выйдя замуж за В. М. Войнича, польского литератора и революционера, переселившегося в Англию, Войнич попала в среду радикально настроенной русской и польской эмиграции. В 1887–1889 гг. жила в России, с 1920 г. – в Нью-Йорке. Выступила как переводчик русской литературы и стихотворений Т. Шевченко на английский язык. Лучшее произведение Войнич – революционный роман «Овод» (1897), ставший в России одной из любимых книг молодежи. Другие романы Войнич – «Джек Реймонд» (1901), «Оливия Лэтам» (1904), «Прерванная дружба» (1910, в. рус. пер. «Овод в изгнании», 1926), «Сними обувь твою» (1945) – сохраняют тот же бунтарский дух, но значительно менее популярны. Войнич также принадлежат работы по славянскому фольклору, музыке. Она – автор нескольких музыкальных сочинений. В этом томе публикуется роман «Овод», посвященный освободительной борьбе итальянского народа в 30–40-х гг. XIX в. против австрийского владычества. Его главный герой Артур Бертон по прозвищу Овод – человек сильных и цельных чувств. Он страстно любит жизнь, но, несмотря на это, идет на смерть, ибо идея для него дороже жизни.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03834-1

© Войнич Э., 1897
© Public Domain, 1897

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	27
Глава VI	31
Глава VII	39
Часть вторая	47
Глава I	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49
Комментарии	

Этель Войнич

Овод

Часть первая

Глава I

Артур просматривал вороха рукописных проповедей в библиотеке духовной семинарии в Пизе^[1]. Стоял жаркий июньский вечер. Окна были настежь открыты, а шторы – спущены. Отец ректор, каноник^[2] Монтанелли, перестал писать и с любовью взглянул на черную голову, склонившуюся над листами бумаги.

– Не можешь найти, дорогой? Оставь. Я снова напишу это место. Вероятно, страничка где-нибудь затерялась, и все это время ты напрасно проискал ее.

У Монтанелли был низкий, густой, звучный голос, серебристая чистота тона сообщала его речи особенное обаяние. Чувствовался голос прирожденного оратора, гибкий, богатый оттенками, и в нем слышалась бесконечная ласка всякий раз, когда отец ректор обращался к Артуру.

– Нет, падре^[3], я найду. Я уверен: она здесь. Если будете писать наново – вам никогда не удастся восстановить это место.

Монтанелли принялся за прерванную работу. Где-то снаружи за окном однообразно жужжал сонный майский жук, и в тишину улицы врывается протяжный, заунывный крик торговца фруктами: «Fragola! Fragola!»¹

– «Об исцелении прокаженного»^[4] – вот она!

Артур подошел мягкими, неслышными шагами, которые всегда так раздражали его домашних. Небольшого роста, хрупкий на вид, он, скорее, походил на итальянца шестнадцатого века, чем на юношу тридцатых годов, вышедшего из средней английской семьи. Слишком уж все в нем было выточено, изящно: длинные брови, подвижной, нервный рот, руки, ноги. Когда он сидел спокойно, его легко было принять за хорошенькую девочку, переодетую в мужское платье; но своими гибкими движениями он напоминал прирученную пантеру, которая не показывает когтей.

– Неужели нашел? Что бы я делал без тебя, Артур? Я бы вечно все терял. Ну, довольно... На этом я кончу и больше пока не буду писать. Идем в сад, я помогу тебе разобраться в твоей работе. Чего ты не понял?

Они вышли в спокойный, тенистый монастырский сад. Семинария занимала здание старинного доминиканского монастыря^[5], и двести лет тому назад его квадратный двор содержался в строгом порядке. Розмарин и лаванда росли на аккуратно остриженных кустарниках. Теперь не то... Монахи в белой одежде, которые когда-то ухаживали за этими растениями на дворе, были уже давно похоронены и забыты. Правда, цветущие травы все еще благоухают в мягкие летние дни и вечера, но никто уже не собирал их семян для лекарственных целей. Пучки диких трав заполняли трещины в плитах, и колодец посередине двора зарос папоротником. Розы стали дикими, их длинные спутавшиеся стебли ползли по дорожкам. На грядках адели большие красные маки. Высокие цветы наперстянки склонялись над спутанными травами, и древняя лоза, одичалая и бесплодная, свисала с веток запущенного чашкового дерева, а оно медленно и грустно кивало своей густолиственной головой. В одном углу сада пристро-

---

¹ Земляника! Земляника! (*ит.*)

илась большая магнолия с целой шапкой темной зелени, среди которой, словно мазки, сделанные рукой художника, выглядывали молочно-белые цветы. К стволу прислонилась грубая деревянная скамья. Монтанелли опустился на нее.

В университете Артур изучал философию. Когда приходилось встречать трудное место, он обращался за разъяснением к падре. Он никогда не был воспитанником семинарии, но Монтанелли был для него авторитетом по всем отраслям знания.

– Теперь я пойду, – сказал Артур, когда трудное место было разъяснено. – Только, может быть, я вам нужен?

– Нет, пока я закончил свою работу, но мне бы хотелось, чтобы ты немного побыл со мной – просто так, без всякого дела. Ты свободен?

– О да!

Он запрокинул голову и, прислонившись к древесному стволу, смотрел сквозь темную чащу ветвей на первые звезды, слабо мерцавшие в глубине ясного неба. От матери, уроженки Корнуолла^[6], Артур унаследовал полные тайны синие глаза, мечтательно смотрящие из-под темных ресниц. Монтанелли отвернулся – он не мог видеть эти глаза.

– Какой утомленный вид у тебя, мой дорогой, – проговорил он.

– Ничего не поделаешь.

В голосе Артура слышалась усталость, и Монтанелли сейчас же это заметил.

– Тебе не следует слишком торопиться с возобновлением занятий. Болезнь матери, бессонные ночи – все это понятно, должно было тебя изнурить. Тебе нужен продолжительный отдых перед отъездом из Ливорно^[7].

– О, падре, что толку? Я не в силах теперь, после смерти матери, оставаться в этом доме. Юлия довела бы меня до сумасшествия.

Юлия была жена его старшего сводного брата и пользовалась всяким случаем, чтобы отравлять ему жизнь.

– Незачем оставаться тебе у родственников, – мягко отвечал ему Монтанелли. – Несомненно, это самое худшее для тебя. Но ты можешь поехать к своему другу доктору. Там проведешь месяц, а потом снова будешь способен работать.

– Нет, падре, право, не могу! Уоррены – хорошие, сердечные люди, но они меня не понимают. Они сочувствуют моему горю – я это вижу по их лицам. Но ведь они стали бы утешать меня, говорить о моей матери... Джемма, конечно, не такая... она всегда понимала чутьем, о чем не следует говорить. Даже когда мы были еще ребятами. Другие не так чутки. Да и не только это...

– Что же еще, сын мой?

Артур сорвал несколько цветков с упавшей ветки наперстянки и нервно тербил их в руке.

– Я не могу жить в этом городе, – начал он после минутной паузы. – В городе – магазины, где она обыкновенно покупала мне игрушки; набережная, где я гулял с нею, пока она не была еще больна. Куда бы я ни пошел – все то же. Так же как прежде, каждая цветочница на базаре подходит ко мне и предлагает цветы... Как будто они мне нужны теперь! И потом это кладбище... Нет, мне нельзя быть там – тяжело видеть все это.

Артур замолчал. Он рассеянно рвал на мелкие части колокольчики наперстянки. Молчание длилось долго. Оно было настолько утомительно, что Артур наконец начал недоумевать, почему Монтанелли не говорит. Под ветвями магнолии уже сгушались сумерки. Все было окутано ими и принимало причудливые, капризные очертания; но еще не смерклось настолько, чтобы нельзя было разглядеть мертвенно-бледное лицо каноника. Низко опустив голову, он крепко держался правой рукой за край скамьи. Артур отвернулся с чувством благоговейного изумления перед этой великой душой.

«О боже, – подумал он, – как мелок я и эгоистичен! Будь мое горе его горем, он не мог бы почувствовать его глубже».

Монтанелли поднял голову и огляделся кругом.

– Хорошо, я не буду настаивать, чтобы ты ехал туда. По крайней мере, теперь, – сказал он с лаской в голосе. – Но обещаю тебе, что ты хорошенько отдохнешь и используешь для своего здоровья летние каникулы. Мне думается, тебе лучше устроиться где-нибудь подальше от Ливорно. Я не хочу, чтобы ты совсем расхворался.

– Падре, а когда закроется семинария, куда вы поедете?

– Мне придется, как всегда, везти воспитанников в горы и устроить их там. В середине августа из отпуска вернется помощник ректора. Я освобожусь тогда и для разнообразия поброжу по Альпам. Может быть, ты поедешь со мной? Отправимся бы вместе в длинную горную экскурсию, и у тебя был бы превосходный случай заняться альпийскими мхами. Только боюсь, как бы ты не соскучился со мной.

– Падре! – Артур всплеснул руками – как «экспансивный иностранец», так говорила Юлия. – Я все на свете отдал бы, чтобы ехать с вами. Только... Я не уверен...

Он остановился.

– Мистер Бертон не разрешит тебе, хочешь ты сказать?

– Конечно, он воспротивится этому, но это меня не удержало бы. Мне уже восемнадцать лет, и я могу поступать, как хочу. Потом он мне ведь только сводный брат. Я не вижу, почему я должен считаться с его желаниями.

– Но если он будет серьезно противиться, я думаю, тебе лучше уступить. Положение твое в доме еще ухудшится, если...

– Нисколько! – горячо прервал его Артур. – Никогда они меня не любили и не полюбят, что бы я ни делал. Да и как Джемс может не согласиться, раз я еду с вами, с моим духовным отцом?

– Помни – он протестант^[81]. Во всяком случае, лучше ему написать. Мы подождем и увидим, что он скажет. Побольше терпения, сын мой. В наших поступках мы не должны руководиться тем, любят нас или ненавидят.

Это мягкое внушение подействовало на Артура. Он слегка покраснел.

– Да, я знаю, – ответил он, вздыхая. – Но ведь это так трудно.

Монтанелли переменял разговор.

– Знаешь, – сказал он, – я очень жалел, что ты не мог зайти ко мне во вторник. Был здесь епископ из Ареццо, и мне бы хотелось, чтобы ты его повидал.

– В этот день я обещал быть у одного студента. На квартире у него было собрание, и меня ждали.

– Какое собрание?

Артур несколько смутился.

– Это... это, скорее, даже не собрание, а... – нервно заикаясь, поправился он. – Приехал из Женевы студент и произнес речь... Скорее, это была лекция...

– О чем?

Артур замялся:

– Падре, вы не будете спрашивать об имени студента? Я обещал...

– Я ни о чем не буду тебя спрашивать. Раз ты обещал хранить тайну, ты не должен говорить. Но думаю – довериться мне ты можешь.

– Конечно, падре. Он говорил... о нас и о нашем долге народу... о нашем... о долге к нам самим. Говорил и о том, чем мы можем помочь...

– Помочь? Кому?

– Народу... и...

– И?

– Италии...

Последовало продолжительное молчание.

– Скажи мне, Артур, как давно стал ты думать об этом? – серьезно спросил Монтанелли.

– С последней зимы...

– Еще до смерти матери? И она не знала?

– Нет. Тогда это еще не увлекало меня.

– А теперь?..

Артур провел рукой по ветке наперстянки, оборвав с нее колокольчики.

– Вот как это случилось, падре, – начал он, опутив глаза. – Прошлой осенью я готовился к вступительным экзаменам и тогда познакомился со студентами. Так вот, кое-кто из них говорил мне обо всем этом... Давали читать книги. Но особенно сильно меня это не захватывало. Мне всегда хотелось поскорее вернуться к матери. Она была так одинока там, в Ливорно, среди них, в этой домашней тюрьме... Довольно было Юлии с ее язычком, чтобы убить ее. Потом наступила зима. Мать заболела... Я забыл и студентов и книги, а скоро – помните? – совсем перестал бывать в Пизе. Если бы тогда меня волновали эти вопросы, я бы поделился с матерью. Но они как-то вылетели из моей головы... Скоро стало ясно, что она доживает свои последние дни. Я был безотлучно при ней до самой ее кончины. Часто просиживал возле нее целые ночи. А днем приходила Джемма Уоррен, и я шел спать... Вот в эти-то длинные ночи я и стал думать о тех книгах и разговорах с товарищами. Пытался разобраться, правы ли они. Задумывался над тем, что сказал бы Христос обо всем этом.

– Ты обращался к нему? – Голос Монтанелли звучал не совсем уверенно.

– Часто, падре. Иногда я просил его указать, что надо делать, но я не получал ответа.

– И ты ни слова никогда не сказал мне, Артур. А я-то всегда думал, что ты доверяешь мне.

– Падре, вы ведь знаете – я вам верю! Но есть вещи, о которых никому не следует говорить. Мне казалось, что мне никто не может помочь – ни вы, ни мать. Мне нужен был ответ непосредственно от Бога. Вы ведь видите: решался вопрос моей жизни, моей души.

Монтанелли отвернулся и стал пристально всматриваться в густые сумерки, окутавшие ветви магнолии.

– Ну а потом? – спросил он.

– Потом?.. Она умерла... Последние три ночи я не отходил от нее.

Он замолчал. Монтанелли не двинулся.

– Два дня перед ее погребением я не мог думать ни о чем. Потом, после похорон, я слег. Помните, я не мог прийти к исповеди?

– Помню.

– Вот в эту ночь я поднялся с постели и пошел в комнату матери. Она была пуста. Только в алькове стояло большое распятие. Мне казалось, что Господь поможет мне... Я упал на колени и ждал... Ждал всю ночь. А утром, когда я пришел в себя... Падре! Это бесполезно... Я не сумею объяснить... Я не сумею вам рассказать, что я видел... Я сам смутно помню. Помню только, что Господь ответил мне. И я не смею противиться Его воле.

Они сидели некоторое время молча в темноте. Затем Монтанелли положил руку на плечо Артура.

– Сын мой! – промолвил он наконец. – Сохрани меня боже сказать, что Господь не беседовал с твоей душой. Но помни, при каких условиях все это произошло, и, помня, не прими грустно настроенного больного воображения за торжественный призыв Господа. Если действительно была Его воля ответить тебе – смотри, как бы не истолковать ошибочно его слов. Куда зовет тебя твой душевный порыв?

Артур поднялся и торжественно ответил, как будто повторяя слова катехизиса:

– Отдать жизнь за Италию; освободить ее от рабства, от нищеты, изгнать австрийцев и создать свободную республику, не знающую иного господина, кроме Бога.

- Артур, подумай только, что ты говоришь! Ты ведь даже не итальянец.
- Это все равно. Я остаюсь самим собой.

Опять наступило молчание.

Монтанелли прислонился к дереву и прикрыл рукою глаза.

- Сядь на минуту, сын мой, – сказал он наконец.

Артур опустился на скамью, а Монтанелли взял его за обе руки и крепко, долго жал их.

– Сейчас я не могу доказывать тебе... Все это произошло так внезапно... Я не подумал об этом... Мне нужно время разобраться. Как-нибудь после мы поговорим обстоятельнее. Теперь же я прошу тебя помнить об одном: если ты будешь вовлечен в смуту и погибнешь, мое сердце не выдержит – я умру.

- Падре!

– Не перебивай, дай мне кончить. Я как-то уже говорил тебе, что в этом мире нет у меня никого, кроме тебя. Мне кажется, ты не совсем понял, что это значит. Трудно тебе понять – ты так молод. В твои лета я тоже не понял бы, Артур. Ты для меня – как бы мой собственный сын. Ты понимаешь? Я не могу оторваться от тебя – ты свет моих очей. Я готов умереть, лишь бы только удержать тебя от ложного шага и сохранить твою жизнь. Но я бессилен сейчас... Я не требую от тебя обещаний... Прошу тебя только помнить, что я сказал, и быть осторожным. Подумай хорошенько, прежде чем решить... Для меня сделай это, для умершей матери твоей...

- Я подумаю, а вы, падре, помолитесь за меня и за Италию.

Он опустился на колени, и Монтанелли положил руку на его склоненную голову. Прошло несколько минут. Артур поднялся, поцеловал руку падре и тихо пошел по мокрой, росистой траве. Монтанелли остался один...

Глава II

Мистеру Джемсу Бертону совсем не улыбалась затея его сводного брата пуститься в путешествие по Швейцарии с Монтанелли. Неудобно было не разрешить этой невинной прогулки в обществе старшего профессора богословия, да еще с такой благой целью, как занятия по ботанике. Слишком уж большим деспотизмом показалось бы это Артуру, который ничем не мог бы объяснить отказ и сейчас же приписал бы его религиозным и расовым предрассудкам. А Бертоны гордились своей просвещенной веротерпимостью. Вот уже более ста лет, как «Бертон и сыновья», судовладельцы из Лондона, основали в Ливорно торговое предприятие, и с самого начала его все члены семьи оставались убежденными протестантами. Но все-таки они держались того мнения, что английскому джентльмену подобает быть честным даже в борьбе с папистами.

Случилось, что глава дома, оставшись вдовцом, стал тяготиться своим положением и женился на Глэдис, католичке, хорошенькой гувернантке его младших детей. Два старших сына, Джемс и Томас, как ни трудно было им мириться с присутствием в доме мачехи, почти что их сверстницы, с горечью покорились воле Провидения. Со смертью отца семейный разлад обострился женитьбой старшего сына; но оба брата добросовестно старались защищать Глэдис от злого, беспощадного языка Юлии и исполняли свои обязанности, как они их понимали, по отношению к Артуру. Они не любили его и даже не старались это скрыть. Их братские чувства сводились к щедрым подачкам и к предоставлению мальчику полной свободы.

В ответ на свое письмо Артур получил чек, который должен был покрыть его путевые издержки, и холодное разрешение использовать каникулы как ему будет угодно. Половину денег он истратил на покупку книг по ботанике и папок для сушки растений и с этим багажом двинулся в свое первое альпийское путешествие вместе со своим духовным отцом.

Настроение Монтанелли было теперь гораздо лучше. Артур давно уже не видел его таким. После первого потрясения, вызванного разговором в саду, к нему мало-помалу вернулось душевное равновесие, и теперь он смотрел на все происшедшее более спокойными глазами. «Артур еще юн и неопытен, – думал он. – Его решение едва ли могло быть окончательным. Есть еще время мягкими увещаниями, вразумительными доводами вернуть его с того опасного пути, на который он так опрометчиво вступил».

В их план входило провести несколько дней в Женеве; но на лице Артура появилось выражение скуки, как только он увидел ослепительно белые улицы и пыльные набережные, по которым без конца сновали туристы. Монтанелли со спокойной улыбкой наблюдал за ним.

– Что, дорогой? Тебе не нравится здесь?

– Я не совсем еще разобрался в моих впечатлениях. А все-таки не то, чего я ожидал. Вот озеро – прекрасно. Хороши и очертания холмов.

Они стояли на острове Руссо^[9], и он указывал рукой на длинный строгий контур отрогов Савойских Альп.

– Но город... он такой накрахмаленный, вылизанный... Настоящий самодовольный протестант. Нет, не лежит у меня сердце к нему. Когда я гляжу на него, мне вспоминается Юлия.

Монтанелли засмеялся.

– Бедный, как мне тебя жаль!.. Ну что же? Мы путешествуем для своего удовольствия, и нет причины задерживаться здесь дольше. Тогда сегодня же мы берем парусную лодку и катаемся по озеру, а завтра утром поднимаемся в горы.

– Но, падре, вам, может быть, хотелось бы побыть еще здесь?

– Мой дорогой, я видел все это уже десятки раз, и для меня отдых – видеть твое удовольствие. Куда бы тебе хотелось?

– Ну, если вам все равно, так мне хотелось бы двинуться вверх по реке, к истокам.

- Вверх по Роне?
- Нет, по Арве. Она мчится так быстро.
- Тогда едем в Шамони.

Все время с полудня до вечера они провели на парусной лодке. Живописное озеро произвело на Артура гораздо меньше впечатления, чем серая и мутная Арва. Он вырос близ Средиземного моря, и глаз его привык к голубым волнам. Но он до страсти любил быстрые реки, и стремительный поток, несущийся с ледника, приводил его в восхищение.

- В этом потоке столько огня, столько порыва, – говорил он.

На другой день, рано утром, они отправились в Шамони. Пока они шли по плодородной долине, Артур был в очень приподнятом настроении. Но вот они подошли к повороту дороги. Большие зубчатые горы обхватили их тесным кольцом. Артур стал серьезен и молчалив. От Сен-Мартена они медленно двигались вверх по долине, останавливаясь на ночлег в придорожных шале^[10] или в маленьких горных деревушках, а потом снова шли дальше. Артур всегда горячо откликался на красоты природы, и первый водопад, который им пришлось проходить, привел его в неопишуемый восторг. Он сиял радостью, на него приятно было смотреть. Но по мере того как они подходили к снежным вершинам, эта детская радость сменялась мечтательным настроением. Монтанелли с удивлением смотрел на юношу. Казалось, существовало какое-то родство между ним и горами. Он готов был целыми часами лежать неподвижно в темном таинственном сосновом лесу, отзывавшемся на всякий шорох, лежать и смотреть промеж прямых высоких стволов на залитый солнцем мир сверкающих вершин и нагих скал. Монтанелли наблюдал за ним с грустью и завистью.

Они осторожно спускались между стволами темных деревьев, направляясь к шале, где собирались ночевать.

Когда Монтанелли вошел в комнату, Артур поджидал его, сидя у стола за ужином. Юноша уже отделался от мрачного настроения, навеянного на него темнотой, и превратился, казалось, в другое существо.

- О падре, идите сюда, идите скорее и посмотрите на эту потешную собачонку. Она танцует на задних лапках.

Он теперь так же был увлечен собачкой и ее штуками, как прежде зрелищем альпийского сияния.

Хозяйка шале, краснощекая женщина в белом переднике, стояла подбоченясь и, улыбаясь, глядела на игру мальчика с собачкой.

- Видно, у него немного забот, – сказала она своей дочери на местном наречии. – Он так увлекается игрой. И какой красивый мальчик.

Артур покраснел, как школьник, и женщина, увидев, что он понял ее, ушла, смеясь над его смущением.

За ужином он только и толковал, что о планах дальнейших прогулок, о восхождениях на горы, о растениях, которые они соберут.

Утром, когда Монтанелли проснулся, Артура уже не было. Раньше, чем забрезжил свет, он отправился на верхние пастбища «помогать Гаспару пасти горных коз».

Впрочем, недолго пришлось его ждать. Он скоро вернулся, вбежав в комнату без шляпы. На плече у него, точно птичка, сидела маленькая крестьянская девочка лет трех, а в руках был большой букет диких цветов.

С улыбкой смотрел на него Монтанелли. Какой поразительный контраст с молчаливым Артуром Пизы или Ливорно!

- Где ты был, сумасброд? Все, поди, бегал по горам без завтрака?
- О, падре, как там хорошо! Горы так величественны при первом блеске солнца, а под ногами такая обильная роса!.. Взгляните!

Он нагнулся, рассматривая свои мокрые, грязные башмаки.

– С нами было немного хлеба и сыра, да на пастбище добыли козьего молока... Ужасная гадость! Ну, я опять проголодался, и надо дать чего-нибудь поесть этой маленькой персоне. Аннет, ты любишь мед?

Он уселся, посадил к себе на колени девочку и стал ей помогать укладывать цветы.

– Нет, нет! – вмешался Монтанелли. – Я не могу допустить, чтобы ты простудился. Беги скорее и переоденься в сухое. Иди сюда, Аннет. Где ты отыскал ее, Артур?

– В деревне. Это дочка того крестьянина, которого, помните, мы встретили вчера. Он – сапожник здешней общины. Не правда ли, какие у нее милые глаза? В кармане у девочки живая черепаха, и она зовет ее Каролиной.

Артур сменил мокрые чулки и сошел вниз завтракать. Аннет сидела на коленях у падре, без умолку тараторя о черепахе, которую она держала вверх животом в своей пухленькой ручке, чтобы *monsieur*² мог подивиться, как шевелятся у нее лапки.

– Смотрите, *monsieur*! – важным тоном, на малопонятном местном наречии, говорила она. – Смотрите, какие у Каролины башмаки!

Монтанелли забавлял малютку, гладил ее волосы, любуясь черепахой, и рассказывал ей чудесные сказки.

Вошла хозяйка убрать со стола и с изумлением посмотрела на Аннет, которая выворачивала карманы его преподобия.

– Бог помогает малышам распознавать хороших людей, – сказала она. – Аннет всегда пугается иностранцев, а теперь смотрю – она совсем не дичится его преподобия. Удивительная вещь! Аннет! Стань скорее на колени и попроси благословения у доброго господина, пока он не ушел. Это принесет тебе счастье.

– Я и не воображал, падре, чтобы вы могли так хорошо забавлять детей, – сказал Артур час спустя, когда они проходили по залитой солнцем полосе пастбища. – Этот ребенок ни на минуту не отрывал глаз от вас. Знаете, что я думаю?

– Ну?

– Я только хотел сказать... Мне кажется, нужно жалеть о том, что церковь запрещает священникам жениться. Я совершенно не могу понять почему. Воспитание детей – дело серьезное, и для них важно хорошее влияние с самого рождения. По-моему, чем выше призвание человека и чище его жизнь, тем более он пригоден быть отцом. Падре, я уверен, что, если бы вы не были связаны обетом и были женаты, ваши дети были бы очень...

– Оставь.

Это было сказано торопливым, порывистым шепотом, который еще сильнее отделил наступившее затем молчание.

– Падре, – снова заговорил Артур, огорченный мрачным видом Монтанелли, – разве не верно то, что я сказал? Конечно, я мог ошибиться, но я сказал то, что думаю.

– Может быть, ты не совсем ясно понимаешь смысл своих слов, – мягко ответил Монтанелли. – Через несколько лет у тебя будет другое мнение на этот счет... Однако давай-ка лучше толковать о чем-нибудь другом.

Это было первым диссонансом в той полной гармонии, которая установилась между ними во время каникул.

Из Шамони они двинулись в Мартины и остановились на отдых, так как была душливо жаркая погода. После обеда они вышли на террасу отеля. Она была защищена от солнца. Чудный вид открывался с нее. Артур принес ящик с растениями и завел с Монтанелли длинную беседу по ботанике.

---

² Сударь (*фр.*).

На террасе сидели два художника-англичанина. Один делал набросок с натуры, а другой лениво болтал на своем языке. Ему казалось невозможным, чтобы иностранцы могли понимать по-английски.

– Бросьте пачкать, Вилли, – сказал он. – Нарисуйте лучше вон того красивого юношу-итальянца, восторгающегося папоротниками. Взгляните только на линию его бровей. Замените лупу в его руках распятием, наденьте на него римскую тогу, и перед вами законченный тип христианина первых веков.

– Какой там христианин! Я сидел возле него за обедом. Он с таким же восторгом смотрел на жареную курицу, с каким теперь любит эту сорную травой. Что и говорить, он очень мил; у него такой чудный оливковый цвет лица; но в нем нет и половины той живописности, какую поражает наружность его отца.

– Кого?

– Его отца, что сидит прямо перед вами. Не хотите ли вы сказать, что не заметили его? Какое у него изумительное лицо!

– Ах вы, невинный методист!^[11] Неужели вы не можете опознать католического священника, когда он у вас перед глазами?

– Священника? А-а, ведь верно! Я и забыл: обет целомудрия, и все такое... Что же, в таком случае будем снисходительны и предположим, что этот юноша – его племянник.

– Какие идиоты! – проговорил шепотом Артур, глядя веселыми глазами на Монтанелли. – Тем не менее очень любезно с их стороны находить во мне сходство с вами. Мне бы хотелось и в самом деле быть вашим племянником... Падре, что с вами? Как вы бледны!

Монтанелли встал и приложил руку ко лбу.

– Я иногда страдаю головокружениями, – произнес он до странности тихо. – Должно быть, я сегодня слишком долго был на припеке. Пойду теперь и прилягу. Пройдет... это от жары.

Две недели провели они у Люцернского озера и теперь возвращались в Италию через Сен-Готардское ущелье. Все время стояла дивная погода. Им удалось совершить несколько веселых экскурсий... Но первые их восторги перед красотами природы уже остыли.

Монтанелли преследовала неотвязная мысль о предстоящем «более обстоятельном разговоре» с Артуром. Каникулы были очень удобным временем для того, чтобы поднять этот разговор; но, когда они путешествовали по долине Арвы, он намеренно избегал касаться той темы, которая обсуждалась ими в саду под магнолией. Ему казалось жестоким омрачать первые радости, которые альпийская природа давала художественной натуре юноши, а так непременно случилось бы, если бы зашел этот разговор. Но с того дня, когда они были в Мартиньи, он каждое утро говорил себе: «Я потолкую с ним сегодня», а наступал вечер, и он откладывал разговор и успокаивал себя, говоря: «Побеседуем завтра». Каникулы уже подходили к концу, а он все повторял: «завтра, завтра». Леденящее, не поддающееся определению чувство, смутное сознание возникающей отчужденности, как будто между ним и Артуром опустилась завеса, удерживало его. Так проходили дни, пока не наступил последний вечер каникул. Монтанелли понял, что, раз он хочет говорить, надо решаться теперь же.

Они остались в Лугано ночевать, а на следующее утро им предстояло двинуться в Пизу. Монтанелли хотелось выяснить, по крайней мере, как далеко его дорогой мальчик был завлечен в роковые, сыпучие пески итальянской политики.

– Дождь перестал, – сказал он. – И если мы хотим увидеть озеро, то нужно поторопиться. Выйдем, мне нужно поговорить с тобой.

Они пошли вдоль берега к тихому уединенному месту и уселись на низкой каменной стене. Около них возвышался розовый куст, покрытый пурпурными ягодами. Несколько запоздалых бледных бутонов свешивались с более высокой ветки, отягченные дождевыми каплями. По зеленой поверхности озера скользила маленькая лодка с легкими белыми парусами, наду-

вавшимися от мягкого ветерка. Лодка казалась легкой и хрупкой, как пучок серебристых цветов, брошенных на воду. На высоте Монте-Сальваторе окошко какого-то домика открыло свой золотой глаз. Розы опустили головки и дремали под облачным сентябрьским небом, а вода ударялась и мягко журчала по прибрежным камешкам.

– Теперь у меня последний случай спокойно и обстоятельно поговорить с тобой, а потом его может не быть долгое время, – начал Монтанелли. – Ты вернешься к университетской работе, к своим друзьям, да и я эту зиму буду очень занят. Все, чего я желаю теперь, – это выяснить, какие у нас с тобой отношения, и если ты...

Он на минуту остановился, а потом заговорил медленнее:

– Если ты чувствуешь, что еще можешь доверять мне по-прежнему, скажи, скажи определеннее, чем тогда вечером в саду семинарии, как далеко ты зашел...

Артур смотрел на водяную рябь, спокойно вслушиваясь в слова падре, и ничего не ответил.

– Мне хотелось бы знать, если только ты захочешь ответить, – продолжал Монтанелли, – связал ли ты себя клятвой или, может быть...

– Мне нечего сказать вам, дорогой падре. Я не связал себя ничем, но я связан...

– Я не понимаю...

– Что толку в клятвах? Не они связывают людей. Если вы чувствуете, глубоко чувствуете, что вами овладела идея, это – все. А иначе ничто не может вас связать.

– Тогда скажи, думаешь ли ты, что это... Кажется ли тебе, что твое чувство крепко и ничто не может его изменить? Артур, подумай, прежде чем отвечать.

Артур пристально посмотрел в глаза Монтанелли.

– Падре, вы спрашивали меня, доверяю ли я вам. Теперь ответьте: есть ли у вас доверие ко мне? Я бы вам сказал, все сказал бы, если бы было что сказать; но поймите – ничего нет, вернее, нет смысла в разговорах об этих вещах. Я не забыл, о чем вы говорили со мной в тот вечер, никогда не забуду; но, помня это, я все-таки должен идти своей дорогой и тянуться к свету, который я вижу впереди.

Монтанелли сорвал розу с куста, оборвал с нее лепестки и бросил их в воду.

– Ты прав, дорогой. Довольно... не будем больше говорить об этом. Тут все равно словами не поможешь... Ну что ж? Пусть так... Пойдем...

Глава III

Без всяких событий миновала осень, миновала зима. Артур прилежно занимался, и в его распоряжении оставалось очень мало досуга. Но все-таки он урывал время, чтобы заглядывать на несколько минут к Монтанелли. Ему удавалось это каждую неделю, иногда раз, иногда больше. Случалось, что он заходил к нему с книгой, за разъяснением какого-нибудь трудного места, но в таких случаях их разговор сосредоточивался исключительно на книге. Между ними выросла преграда, неосязаемая, еле заметная. Посещения Артура доставляли Монтанелли теперь больше горечи, чем радости. Утомительно было держать себя в вечном напряжении, чтобы казаться спокойным и делать вид, будто ничто не изменилось. Артур, со своей стороны, замечал некоторую перемену в обращении падре, но не вполне улавливал ее смысл. Смутно чувствуя, что эта перемена имеет отношение к тревожному вопросу о новых идеях, он избегал всякого упоминания о них, но его собственная мысль постоянно к ним возвращалась. И все-таки никогда он не любил Монтанелли так горячо, как теперь. От мрачного, неотвязного чувства разочарования в жизни, душевной пустоты, которое он с таким трудом пытался заглушить усидчивым изучением теологии, не осталось и следа при первом же соприкосновении его с «Молодой Италией»^[12]. Исчезли образы большой фантазии, порожденные одиночеством и постоянным созерцанием комнаты, в которой лежала умирающая, не стало сомнений, спасаясь от которых он прибегал к молитве. Студенческое движение представлялось ему, скорее, религиозным, чем политическим движением, и наполнявший его энтузиазмом идеал, более возвышенный и чистый, придавал его характеру уравновешенность, законченность и дал ему чувство мира и благожелательное отношение к ближним. Он находил новые, достойные любви стороны в людях, которые раньше были противны ему. Монтанелли в течение пяти лет был для него идеалом, теперь он представлялся ему мощным пророком новой веры, с новым сиянием на челе. Юноша страстно вслушивался в проповеди падре, стараясь уловить в них следы внутреннего сродства с республиканским идеалом; усиленно изучал Евангелие и наслаждался демократическим духом христианства, каким оно было проникнуто в первые времена.

В один из январских дней Артур зашел в семинарию, чтобы вернуть книгу. Узнав, что отца ректора там нет, он вошел в комнату, где обыкновенно работал Монтанелли, положил книгу на полку и собирался идти, как вдруг его внимание было привлечено названием одной книги, лежавшей на столе. Это было «De Monarchia»^[13] Данте. Артур начал читать и скоро так увлекся, что не слышал, как отворилась дверь. Он поднялся только тогда, когда за его спиной раздался знакомый голос.

– Я не ждал тебя сегодня, – сказал Монтанелли, мельком взглянув на заголовок книги. – Я только что собирался послать узнать, придешь ли ты ко мне сегодня вечером.

– Что-нибудь важное? Я приглашен сегодня вечером, но я останусь, если...

– Нет, можно и завтра. Мне хотелось видеть тебя, – я уезжаю во вторник. Меня вызывают в Рим.

– В Рим? Надолго?

– В письме говорится, что до конца Пасхи. Оно из Ватикана^[14]. Я бы сейчас же дал тебе знать, да все время был занят то делами семинарии, то приготовлениями к приезду нового ректора.

– Падре, надеюсь, вы не покинете семинарию?

– Придется. Но я, вероятно, приеду еще в Пизу. По крайней мере на время.

– Но почему вы не хотите оставаться?

– Вот видишь ли... Это еще не объявлено, но мне предлагают епископство.

– Падре! Где?

– За этим-то я и еду в Рим. Еще не решено, получу ли я епархию в Апеннинах или останусь здесь викарием.

– А новый ректор уже назначен?

– Да, отец Карди. Он приедет завтра.

– Как все это неожиданно!

– Да, но... Иногда решения Ватикана не объявляются до последнего момента.

– Вы знакомы с новым ректором?

– Лично незнаком. Но его очень хвалят. Монсеньор Беллони пишет, что он – человек большой эрудиции.

– Семинария многого лишится с вашим уходом.

– Не знаю, как семинария, но ты будешь чувствовать мое отсутствие, я уверен. Может быть, не меньше, чем я – твое.

– Да, это верно, падре. Я тем не менее радуюсь за вас.

– Радуетесь? А я не могу сказать, чтобы был рад.

Он сел к столу с усталым видом.

– Ты занят после обеда? – начал он после минутной паузы. – Если у тебя нет никаких дел, побудь немного со мной, раз ты не можешь зайти вечером. Мне что-то не по себе. Останься! Я хочу как можно больше видеть тебя до отъезда.

– Я побуду, только недолго. В шесть часов я должен быть...

– На собрании?

Артур кивнул головой. Монтанелли быстро переменял разговор.

– Я хотел поговорить о тебе, – начал он. – В мое отсутствие тебе будет нужен другой духовник.

– Но когда вы вернетесь, вы ведь разрешите мне прийти к вам на исповедь?

– Мой дорогой, как ты можешь спрашивать? Разумеется, я говорю только о трех или четырех месяцах, когда меня не будет здесь. Согласен ты взять в духовники кого-нибудь из отцов Santa Catarina?^[15]

– Согласен, падре.

Они поговорили еще о другом. Потом Артур поднялся.

– Мне пора идти, падре. Меня ждут товарищи.

Мрачная тень снова легла на лицо Монтанелли.

– Уже? А я было почти рассеял свое мрачное настроение. Ну что ж, прощай!

– Прощайте, падре. Завтра я опять приду.

– Приходи пораньше, чтобы я успел повидать тебя одного. Завтра приезжает отец Карди. Артур, прошу тебя, будь без меня осторожен, не делай опрометчивого шага; по крайней мере, до моего возвращения. Ты и вообразить не можешь, как я боюсь оставить тебя.

– Напрасно, падре. Сейчас ничего не предвидится, и так пройдет еще много времени.

– Ну, прощай, – сказал отрывисто Монтанелли.

Первая, кого увидел Артур, когда вошел в комнату, где происходило студенческое собрание, была дочь доктора Уоррена, товарищ его детских игр. Она сидела в углу и с напряженным, сосредоточенным вниманием слушала, что говорил ей высокий молодой ломбардец в поношенном костюме – один из инициаторов движения. За эти последние несколько месяцев она сильно изменилась, возмужала и теперь походила уже на взрослую девушку. Только две спускавшиеся по плечам густые черные косы еще напоминали недавнюю школьницу. Она была вся в черном, и черный шарф прикрывал ее голову, так как в комнате было холодно и сыро. На груди девушки была кипарисовая ветка, эмблема «Молодой Италии». Ломбардец вдохновенно описывал ей нищету калабрийских^[16] крестьян, а она все сидела молча и слушала, опершись подбородком на руку и опустив глаза. Артуру казалось, что он видит перед собой грустный призрак Свободы, оплакивающей утраченную республику. Юлия увидела бы в ней только не в

меру вытянувшуюся девочку с угловатыми манерами, с бледным цветом лица, с неправильным носом и в старом платье, коротком не по возрасту.

– Вы здесь, Джим! – проговорил Артур, подойдя к ней, когда ломбардец отошел в другой конец комнаты.

Джим было детское прозвище, переделка из Дженифер – странного имени, данного ей при крещении. Итальянки, ее школьные подруги, звали ее Джеммой.

Она подняла голову почти с испугом.

– Артур! Это вы! А я и не знала, что вы принадлежите к партии!

– И я никак не ожидал вас встретить здесь, Джим! С каких пор вы стали...

– Вы не поняли, – поспешно прервала она. – Я еще не состою членом. Мне удалось только исполнить два-три маленьких поручения. Случилось это так: я встретила с Бини... Вы знаете Карло Бини?

– Конечно.

Бини был организатором ливорнского отдела, и его знала вся «Молодая Италия».

– Так вот, Бини стал толковать со мной об этих вещах. Я его попросила провести меня на одно из собраний. Потом он мне написал во Флоренцию...^[17] Вы не знали, что я была на Рождестве во Флоренции?

– Нет, мне теперь редко пишут из дома.

– А, да! Ну, все равно. Я ездила погостить к Райтам (Райты были ее подругами по школе). Тогда Бини написал мне, чтобы я проехала через Пизу по пути домой и пришла сюда сегодня. Я так и сделала, и вот я здесь, как видите. А! Сейчас начинают.

В докладе говорилось об идеальной республике и о том, что молодежь обязана готовить себя к ней. Тема была разработана не совсем ясно, но Артур слушал с благоговейным вниманием. В этот период своей жизни он принимал все на веру и проглатывал целиком новые нравственные идеалы, не давая себе труда подумать, переваримы ли они. Но вот лекция кончилась, прения прекратились... Студенты стали расходиться. Артур подошел к Джемме, которая все еще сидела в углу.

– Я провожу вас, Джим! Где вы живете?

– У Марьетты.

– У старой экономки вашего отца?

– Да. Она живет довольно далеко отсюда.

Некоторое время они шли молча. Артур вдруг спросил:

– Вам, должно быть, лет семнадцать теперь?

– Минуту семнадцать в октябре.

– Я всегда говорил, что из вас не выйдет барышни, которой нужны балы и наряды. Джим, если бы вы знали, как часто спрашивал я себя, будете ли вы в наших рядах!

– То же самое я думала о вас.

– Вы сказали, что устроили кое-что для Бини. А я-то даже и не знал, что вы с ним знакомы.

– То, что я сделала, я сделала не для Бини, а для другого.

– Для кого?

– Для того самого, кто говорил со мной сегодня, – для Боллы.

– Вы его хорошо знаете?

Артур сказал это не без ревности. Ему и без того тяжело было говорить о Болле. Они были соперниками в одном деле, которое комитет «Молодой Италии» в конце концов доверил Болле, считая Артура слишком молодым и неопытным.

– Я знаю его очень близко. Он мне нравится. Он довольно долго жил в Ливорно.

– Знаю... Он приехал туда в ноябре.

– Да, к этому времени ждали парохода с транспортом книг^[18]. Артур, не кажется ли вам, что ваш дом был бы для этой работы надежнее нашего? Никому и в голову не пришло бы подозревать семейство богатых судовладельцев. Да и кроме того, вы всякого знаете в доках.

– Тише! Не так громко, дорогая! Так, значит, у вас хранилась литература, прибывшая из Марселя?

– Только один день... Но, может быть, мне не следовало вам говорить?

– Почему? Вы ведь знаете, что я член партии. Джемма, дорогая, ничто в мире не могло бы сделать меня таким счастливым, как сознание, что к нам присоединились вы и...

– Ваш падре! Разве он...

– Нет, его убеждения – не совсем наши. Но иногда мне думалось... Я надеялся...

– Артур, ведь он – священник!

– Так что же? В нашей партии есть и священники. Двое из них пишут в газетах^[19]. Ведь назначение духовенства – вести мир к высшим идеалам, а мы как раз к этому и стремимся. Ведь это вопрос, скорее, религии и морали, чем политики. Представьте только, что люди будут в душе свободными и ответственными гражданами, – разве тогда возможно рабство?

Джемма нахмурила брови.

– Мне кажется, что ваша логика тут немножко хромает... Священник обучает религиозной доктрине. Я не вижу, что в этом общего с желанием прогнать австрийцев.

– Священник – проповедник христианства, а Христос был величайший реформатор.

– Знаете, я говорила о священниках с моим отцом, и он...

– Джим, ваш отец протестант.

После минутного молчания она вдруг подняла голову и окинула его открытым, дружеским взглядом.

– Послушайте, лучше прекратим этот разговор. Всегда вы становились нетерпимым, как только речь заходила о протестантах.

– Это неправда. Напротив, нетерпимы протестанты, когда они говорят о католиках.

– Пусть так. Но мы уже слишком много спорили об этом, чтобы стоило опять начинать. Какого вы мнения о сегодняшней лекции?

– Мне понравилась особенно последняя часть. Я с наслаждением слушал, когда он так горячо говорил о необходимости каждому в отдельности, и сейчас же, проводить в жизнь чувства, а не мечтать о них.

– А мне не понравилась именно эта часть. Он очень пространно описывал нам идеальные мысли и чувства, но не указывал никаких практических путей, не говорил, что мы должны делать.

– Когда наступит нужное время, перед нами будет ворох работы. Но нужно терпение. Великие перевероты не совершаются в один день.

– Чем сложнее дело, тем больше оснований сейчас же приступить к нему. Вы говорите, что нужно подготовить себя к свободе. А знали вы кого-нибудь, кто был так хорошо к ней подготовлен, как ваша мать? Разве не была она самой совершенной женщиной в мире, женщиной с ангельской душой? А к чему привела вся ее доброта? Она была рабой до последнего дня. Сколько мучений, сколько оскорблений она вынесла от вашего брата Джемса и его жены! Да, не будь у нее такого мягкого сердца и такого терпения, жизнь ее сложилась бы счастливее. Никогда бы не посмели так с ней обращаться. То же можно сказать и об Италии: не в терпении она нуждается... напротив! – ей нужно восстать на защиту своих интересов.

– Дорогая Джим, Италия была бы уже свободна, если бы гнев и страсть могли ее спасти. Не ненависть нужна ей, а любовь.

Кровь прилила к его лицу и вновь отхлынула, когда он произнес эти несколько слов. Джемма не заметила этого – она смотрела прямо перед собой. Ее брови были сдвинуты, рот – крепко сжат.

– Вам кажется, что я не права, Артур, – сказала она после небольшой паузы. – Нет, правда на моей стороне. В один прекрасный день вы убедитесь в этом... Вот наш дом. Зайдете, может быть?

– Нет, уже поздно. Покойной ночи, дорогая!

Он стоял возле двери, крепко пожимая ее руки.

– «Во имя Бога и народа...»

И она медленно, с расстановкой, досказала незаконченный девиз:

– «...теперь и навсегда».

Потом отняла свои руки и вбежала в дом. Когда за ней захлопнулась дверь, он нагнулся и поднял кипарисовую ветку, упавшую с ее груди.

Глава IV

Артур вернулся домой будто на крыльях, с ощущением безоблачного счастья. Все складывалось так хорошо. На собрании делались намеки на вооруженное восстание. Джемма была теперь его товарищем по работе, и он любил ее. Он представлял себе, как они вместе будут работать, а может быть, даже умрут в борьбе за грядущую свободу. Наступила весна их надежд. Падре увидит и поверит. Впрочем, проснулся он на другой день в более спокойном настроении. Он вспомнил, что Джемма собирается ехать в Ливорно, а падре – в Рим.

Январь, февраль, март – три долгих месяца до Пасхи. Чего доброго, Джемма, вернувшись к своим, подпадет под протестантское влияние (на языке Артура слова «протестант» и «филистер»^[20] были тождественны по смыслу). . . Нет, его Джим никогда не опустится до уровня друзей ливорнских барышень. Но, пожалуй, она будет несчастна. Так молода, так мало у нее друзей, и так ей, должно быть, одиноко среди всех этих деревянных людей. . . О, если бы мать была жива!

Вечером он зашел в семинарию и застал Монтанелли за беседой с новым ректором. Оба казались усталыми.

– Вот и он сам – тот студент, про которого я вам говорил, – сказал каноник сухо, представляя Артура новому ректору. – Буду вам очень обязан, если вы разрешите ему пользоваться библиотекой и впредь.

Отец Карди сейчас же стал распространяться о студенческой жизни в Сапиенце. Свободный, непринужденный тон его показывал, что он хорошо знаком с жизнью в колледже. Разговор быстро перешел на слишком строгую регламентацию университета – тогдашний злободневный вопрос.

Новый ректор сразу расположил Артура в свою пользу резкой критикой политики, усвоенной университетским начальством, и нападками на те бессмысленные ограничения, которые раздражали студентов.

– У меня большой опыт воспитания юношества, – сказал он. – Ни в чем не мешать молодежи без достаточных оснований – вот правило, которым я всегда руководжусь. Не думаю, чтобы на свете было много юношей, по природе склонных к бесчинствам, и мне кажется, что, если старшие будут уважать их личность, они не доставят им больших хлопот. Но ведь и смиренная лошадь станет на дыбы, если постоянно натягивать узду.

Артур посмотрел на него с удивлением. Он не ожидал найти в новом ректоре такого горячего защитника студенческих интересов. Монтанелли не принимал участия в разговоре. В выражении его лица было столько усталости, такое безнадежное уныние, что отец Карди вдруг сказал:

– Боюсь, утомил я вас, отец каноник. Я слишком горячо принимаю к сердцу этот вопрос и подчас совершенно упускаю из виду, что другим он, может быть, надоел.

– Напротив, меня все это очень интересует.

Монтанелли никогда не удавалась стереотипная вежливость, и Артура покорило от его тона.

Когда отец Карди ушел к себе, Монтанелли повернулся к Артуру и посмотрел на него с тем задумчивым, озабоченным выражением, которое весь вечер не сходило с его лица.

– Артур, мой дорогой, – начал он тихо, – я хочу сказать тебе кое-что.

«Должно быть, он узнал что-нибудь неприятное», – мелькнуло в голове Артура, когда он взглянул на его взволнованное лицо.

Наступила длинная пауза.

– Нравится тебе новый ректор? – неожиданно спросил Монтанелли.

Артур с минуту молчал в недоумении, не зная, что ответить.

– Я... мне он очень нравится... Впрочем, я еще и сам хорошенько не знаю. Падре, ведь так трудно узнать человека с первого раза.

Монтанелли сидел, слегка постукивая пальцами по ручке кресла, что было у него обычным движением, когда его что-нибудь беспокоило или волновало.

– Относительно моей поездки в Рим, – снова заговорил он, – могу сказать тебе вот что: если ты имеешь что-нибудь против этого... Если ты хочешь, Артур, я напишу в Рим и откажусь от поездки.

– Падре! А Ватикан?..

– Ватикан найдет кого-нибудь другого. Я извинюсь.

– Но почему? Я не могу понять.

Монтанелли провел рукой по лбу.

– Я беспокоюсь за тебя. Не могу отделаться от мысли, что... Да и потом, мне ведь нет необходимости ехать.

– А как же с епископством?

– О Артур! Что пользы мне в епископстве, если я лишусь тебя!..

Он остановился. Артур еще никогда не видал его таким и был очень встревожен.

– Я ничего не понимаю, – сказал он. – Падре, молю вас, скажите определенно, что у вас на уме, чего вы хотите...

– Ничего я не хочу. Просто меня мучит беспредельный страх. Скажи правду: грозит тебе какая-нибудь опасность?

«Он что-нибудь слышал», – подумал Артур, вспоминая распространившиеся слухи о вооруженном восстании.

Но тайна была не его, и он был не вправе говорить. Поэтому он ответил вопросом:

– Какая же опасность может мне грозить?

– Не спрашивай меня, а отвечай!

Голос Монтанелли от волнения стал почти резким:

– Грозит тебе что-нибудь? Мне не нужно знать твоих тайн. Скажи мне только это.

– Все мы в Божьей власти, падре. Все может случиться. Но нет оснований думать, что я не буду цел и невредим до вашего возвращения.

– До моего возвращения... Слушай, дорогой! Я предоставляю решать тебе. Не надо мне твоих объяснений. Скажи только – останься, и я откажусь от поездки. Ущерба от этого не будет никому, а мне будет спокойнее: мне кажется, ты будешь в большей безопасности со мной.

Артур с тревогой взглянул на него. Его поразила эта новая черточка в характере падре, совсем не отличавшегося болезненным воображением.

– Падре, я уверен, вы нездоровы. Ясное дело, вам нужно ехать в Рим, отдохнуть как следует и отделаться от бессонницы и головных болей.

– Ну, хорошо, – прервал его Монтанелли, как будто уставши говорить об этом. – Завтра я еду с первым дилижансом.

Артур в недоумении взглянул на него.

– Вы, кажется, еще что-то хотели мне сказать? – проговорил он.

– Нет, нет. Больше ничего, ничего важного.

На лице его осталось выражение страха.

Спустя несколько дней после отъезда Монтанелли Артур зашел в библиотеку семинарии за книгой. На лестнице он встретился с отцом Карди.

– А, мистер Бертон! – воскликнул ректор. – Вы мне как раз были нужны. Пожалуйста, зайдите ко мне и окажите мне помощь в одном трудном деле.

Он открыл дверь своего кабинета, и Артур вошел с каким-то странным, неприятным чувством. Ему тяжело было видеть этот рабочий кабинет, святилище падре, которое было теперь занято посторонним.

– Я – неутомимый книгоед, – сказал ректор. – Первое, за что я принялся на новом месте, – это за пересмотр библиотеки. Библиотека очень богата, но я не улавливаю системы, по которой распределены книги.

– Каталог неполон. Значительная часть ценных книг прибавилась недавно.

– Располагаете вы свободным получасом, чтобы объяснить мне план расположения книг?

Они вошли в библиотеку. Артур дал все нужные объяснения. Когда он собрался уходить и уже взялся за шляпу, ректор с улыбкой остановил его:

– Нет, нет! Я не отпускаю вас так скоро. Сегодня суббота – время закончить занятия до утра понедельника. Оставайтесь, поужинаем вместе, – все равно я задержал уже вас до позднего часа. Я теперь совсем один и буду рад обществу.

Его обращение было так непринужденно-приветливо, что Артур скоро почувствовал себя с ним совершенно свободно. После нескольких ничего не значащих фраз ректор спросил, как давно он знает Монтанелли.

– Около семи лет, – ответил Артур. – Он возвратился из Китая, когда мне было двенадцать лет.

– А, да! Это там он приобрел репутацию выдающегося проповедника-миссионера. И с тех пор он руководил вашим образованием?

– Он начал заниматься со мной год спустя, приблизительно в то время, когда я в первый раз исповедовался у него. А когда я поступил в Сапиенцу, он продолжал помогать мне по части наук во всем, что не входило в университетский курс. Относился он ко мне необыкновенно сердечно, – вы и представить себе не можете, как добр он был ко мне!..

– Отлично представляю. Все восхищаются этим человеком: благородная, прекрасная душа. Мне приходилось встречать миссионеров, бывших с ним в Китае. Они не находили слов, чтобы в должной мере оценить его энергию, его мужество в тяжелые моменты, его несокрушимую веру. Вы счастливы, что в ваши юные годы вами руководил такой человек. Я понял из его слов, что вы лишились отца и матери.

– Да, мой отец умер, когда я был еще ребенком, а мать – год тому назад.

– Есть у вас братья, сестры?

– Нет, только сводные братья... Но они были уже взрослыми и вели торговые дела, когда меня еще нянчили.

– Вероятно, вы росли одиноким. Потому-то вы так особенно и цените доброту Монтанелли. Кстати, есть у вас духовник на время его отлучки?

– Я думал обратиться к отцам Святой Катарины.

– Хотите исповедоваться у меня?

Артур смотрел удивленными глазами:

– Отец мой, конечно, я... я был бы рад, но только...

– Только ректор духовной семинарии обыкновенно не исповедует мирян – это вы хотите сказать? Вы правы. Но, видите, я знаю: каноник Монтанелли очень заботится о вас и, как мне думается, тревожится о вашем благополучии. Это – понятно... Случись мне расстаться с любимым воспитанником, я и сам бы тревожился за него. Я уверен: он был бы спокойнее, если бы знал, что его коллега печется о вашей душе. Будьте просты со мной, сын мой; скажите прямо – согласны вы иметь меня своим духовным отцом? Я к вам расположен и рад быть вам полезен.

– Если так, то, конечно, я буду вам очень признателен.

– Прекрасно. В таком случае приходите исповедоваться в будущем месяце. А кроме того, заходите ко мне, сын мой, как только у вас выдастся свободный вечер.

Незадолго до Пасхи стало официально известно, что Монтанелли получил епископство в Бригигелле, небольшом округе, расположенном в Этрусских Апеннинах. Сам Монтанелли писал об этом Артуру еще из Рима, писал в спокойном, радостном тоне. Было ясно, что его

угнетенное настроение начинало проходить. «Ты должен навещать меня каждые каникулы, – писал он, – а я буду наезжать в Пизу. Надеюсь видеться с тобой, хотя и не так часто, как хотелось бы».

Доктор Уоррен пригласил Артура провести пасхальные праздники с ним и его семьей вместо того, чтобы скучать эти дни в мрачном, изъеденном крысами, старом палаццо, где теперь безраздельно царила Юлия. В это письмо была вложена нацарапанная неровным детским почерком записочка, в которой Джемма присоединяла к приглашению отца и свою просьбу заехать к ним. «Мне нужно кое о чем с вами переговорить», – писала она.

Еще больше волновали и радовали Артура слухи, которые студенты шепотом передавали друг другу. Все ждали после Пасхи крупных событий.

Все это породило в Артуре настроение такого восторженного ожидания, что самые страшные вещи казались ему вполне естественными, исполнимыми, могущими осуществиться даже в течение двух ближайших месяцев.

Он решил, что в четверг на Страстной неделе поедет домой и пробудет там первые дни отпуска. Он боялся, что радость свидания с Джеммой отвлечет его от торжественного религиозного настроения, какого церковь требует от своих детей в эти дни. В среду вечером Артур ответил Джемме обещанием приехать в пасхальный понедельник и с миром в душе пошел спать.

Войдя в спальню, он опустился на колени перед распятием. Завтра утром отец Карди обещал исповедать его, и теперь ему предстояло долгой и усердной молитвой подготовить себя к этой последней перед пасхальным причастием исповеди. На коленях, со скрещенными руками и склоненной головой, он обращался мысленно назад, к прошедшему месяцу, и пересчитывал свои маленькие грехи, вспоминая разные случаи, когда он проявлял нетерпение, легкомыслие, раздражительность. Но все это были мелкие прегрешения, ложившиеся лишь слабым пятном на его душевную чистоту. Он перекрестился, встал и начал раздеваться.

Когда он расстегнул ворот рубашки, из-под нее выпал лоскуток бумаги и полетел на пол. Это была записка Джеммы, которую он носил весь день на груди. Он поднял ее, развернул и поцеловал; потом стал снова складывать листок со смутным сознанием, что он сделал что-то неподходящее, и в этот момент заметил на обороте приписку, которой раньше не читал: «Непременно будьте у нас, и как можно скорее: я хочу познакомить вас с Боллой, он здесь, и мы каждый день читаем вместе».

Горячая краска залила лицо Артура, когда он прочел эти строки.

«Вечно этот Болла! Что он опять делает в Ливорно? И с чего это Джемме вздумалось читать вместе с ним? Что ее прельщает в его контрабандных делах? Он ее совсем околдовал. Уже в январе на собрании было заметно, что он влюблен в нее. Потому-то он и говорил тогда с таким жаром! А теперь он подле нее, читает с ней каждый день».

Порывистым жестом Артур отбросил в сторону записку и снова опустился на колени перед распятием.

И это – душа, готовившаяся принять отпущение грехов, пасхальное причастие, душа, которая должна примириться с собой, со всем миром, с Господом! Эта душа способна на низкую ревность, на грязные подозрения, способна питать мелкую зависть, да еще к товарищу! В порыве самобичевания он закрыл лицо руками. Всего пять минут тому назад он носился с мечтами о мученичестве, а теперь стоит как преступник, и совесть уличает его.

Утром в четверг он вошел в часовню семинарии и застал отца Карди одного. Прочтя Символ веры, он сейчас же стал говорить о своем душевном падении прошлой ночи.

– Отец мой, я грешен – грешен в ревности, в злобе, в недостойных мыслях о человеке, который не сделал мне никакого зла.

Отец Карди отлично понимал, с кем он имеет дело. Он мягко сказал:

– Вы мне не все открыли, сын мой.

– Отец! Того, к кому я питаю нехристианские чувства, я должен особенно любить, особенно уважать.

– Вы связаны с ним кровными узами?

– Еще теснее, еще крепче!

– То есть как, сын мой?

– Я связан с ним узами товарищества.

– Товарищества? В чем?

– В великой и священной работе.

Последовала небольшая пауза.

– И ваша злоба к этому товарищу, ваша зависть к нему вызвана успехом его в этой работе, успехом, более громким, чем ваш?

– Да, отчасти. Я позавидовал его опытности, за которую все его ценят. А кроме того... я думал... Я боялся, что он отнимет у меня любовь той девушки, которую я люблю.

– А девушка, которую вы любите, – дочь святой церкви?

– Нет, она протестантка.

– Еретичка?

Аргур стиснул руки в отчаянии.

– Да, еретичка, – повторил он. – Мы вместе воспитывались. Наши матери были друзьями. И вот я позавидовал ему, так как видел, что и он любит ее. И еще...

– Сын мой, – не спеша, серьезным тоном заговорил отец Карди, помолчав, – вы еще не все мне открыли. У вас на сердце есть что-то поважнее.

– Отец, я...

Аргур запнулся и снова замолчал. Отец-исповедник ожидал, пока он заговорит.

– Я позавидовал ему потому, что организация «Молодая Италия», к которой я принадлежу...

– Да?

– Организация доверила ему одно дело, а я надеялся, что оно будет поручено мне. Я считал себя особенно пригодным для него.

– Какое же это дело?

– Прием книг с пароходов, политических книг. Их нужно было взять с парохода, а потом подыскать в городе помещение, где можно было бы их спрятать.

– И эту работу организация передала сопернику?

– Передала Болле, и этому я позавидовал.

– А он, со своей стороны, ни в чем не подавал вам повода к неприязни? Вы не обвиняете его в небрежном отношении к той миссии, которую возложили на него?

– Нет, отец. Он действовал смело и самоотверженно. Он истинный патриот, и я должен бы питать к нему любовь и уважение.

Отец Карди что-то обдумывал.

– Сын мой, если душу вашу озарил новый свет, если в ней родилась мечта о великой работе на благо ваших собратьев, если вы надеетесь облегчить бремя усталых и угнетенных, то подумайте, как вы относитесь к самому драгоценному дару Господню. Все блага – дело Его рук. И рождение ваше в новую жизнь – от Него же. Если вы обрели путь к жертве, нашли дорогу, которая ведет к миру; если вы соединились с любимыми вами товарищами, чтобы принести освобождение тем, кто втайне льет слезы и скорбит о своей горькой доле, то позаботьтесь, чтобы ваша душа была свободна от зависти и страстей, а ваше сердце было алтарем, где неугасимо горит священный огонь. Помните, что это святое и великое дело, и сердцу, которое проникнется им, должны быть чужды своекорыстные помыслы. Это призвание, так же, как и призвание служителя церкви, не должно зависеть от любви к женщине, от скоропреходящих увлечений. Оно «во имя Бога и народа, теперь и навсегда».

- А! – Артур всплеснул руками, пораженный.
- Он чуть не разрыдался, услышав знакомый лозунг.
- Отец мой, вы даёте нам благословение церкви! С нами – Христос.
- Сын мой, – торжественно ответил священник, – Христос изгнал меня из храма^[21], ибо дом Его – дом молитвы, а они его сделали вертепом разбойников.
- После долгого молчания Артур с дрожью в голосе прошептал:
- И Италия будет храмом Его, когда их изгонят...
- Он остановился. В ответ раздался мягкий голос:
- «Земля и все её богатства – Мои», – сказал Господь.

Глава V

Весь этот день Артуру хотелось ходить без конца. Он сдал свой багаж товарищу-студенту, а сам отправился в Ливорно пешком.

День был сырой и облачный, но не холодный, и низкая ровная местность казалась ему прекраснее, чем когда-либо. Он чувствовал особую радость от мягкости сырой травы под ногами и от робкого, изумленного вида диких весенних цветов у дороги. В кусте акации на опушке маленького леса птица свивала гнездо и при его появлении с испуганным криком взвилась на воздух быстрым движением темных крыльев.

Он пытался сосредоточиться на благочестивых размышлениях, каких требовал канун Великой пятницы. Но два образа – Монтанелли и Джеммы – все время мешали его благочестивым намерениям, так что в конце концов он отказался от попытки настроить себя на благочестивый лад и предоставил своей фантазии свободно нестись к чудесам и славе грядущего восстания и той роли, которую он предназначал в нем двум своим идолам. Падре был в его воображении вождем, апостолом, пророком, перед священным гневом которого исчезали все темные силы. У его ног юные защитники свободы должны будут сызнова учиться старой вере, старым истинам в их новом, еще неизвестном значении.

А Джемма?

О, Джемма будет защитницей баррикад. Она создана быть героиней в предстоящем восстании. Она будет безупречным товарищем, чистой и бесстрашной девушкой, тем идеальным образом, которым вдохновлялся уже не один поэт. Она рядом с ним, плечо к плечу, и с улыбкой посмотрит в лицо крылатой смертоносной буре. Они вместе умрут, и это случится, может быть, в момент победы, ибо победа не может не прийти. Он ничего не скажет ей о своей любви, ни словом не обмолвится о том, что могло бы нарушить ее душевный мир и омрачить ее душевное чувство к товарищу. Ему она представлялась святыней, беспорочной жертвой, которой суждено быть возложенной на алтарь за свободу народа. И кто он такой, чтобы посметь войти в святая святых души, которая не знает иной любви, кроме любви к Богу и Италии?

Бог и Италия... Неожиданно упала с туч дождевая капля, когда он входил в большой мрачный дом, смотревший своим фасадом на улицу дворцов. На лестнице его встретил дворецкий Юлии, безукоризненно одетый, спокойный, учтивый, как всегда, и, как всегда, враждебный.

– Добрый вечер, Джиббонс. Дома братья?

– Мистер Томас дома. И миссис Бертон тоже. Они в гостиной.

Артур вошел с тяжелым, тоскливым чувством. Какой скучный дом! Поток жизни, никогда не задевая его, пронесся мимо него. Все в нем оставалось без перемен – люди, фамильные портреты, дорогая безвкусная обстановка, безобразные блюда, развешенные по стенам, мещанское чванство богатством и безжизненный отпечаток, лежавший на всем. Даже цветы, стоящие на бронзовых подставках, казались искусственными, вырезанными из металла. Им как будто незнакома была игра молодого сока в жилах при свете теплого весеннего дня. А сама Юлия, разодетая к обеду и ожидающая гостей в своей гостиной, бывшей центром ее существования, смело могла бы сойти за куклу со своей застывшей улыбкой, с белокурыми завитками на висках и с собачонкой, лежавшей у нее на коленях.

– Как поживаешь, Артур? – спросила она сухо, протягивая ему на минуту кончики пальцев и перенося их тотчас же на шелковистую шерсть своей собачки, более приятную на ощупь. – Ты, надеюсь, здоров и хорошо занимаешься в университете.

Артур произнес первую фразу, которая пришла ему в голову; снова наступило тягостное молчание. Не внес оживления и приход надутого, важничающего Джемса; его сопровождал

пожилой чопорный агент какого-то пароходного общества. Когда доложили, что обед подан, Артур встал с легким вздохом облегчения.

– Я не буду сегодня обедать, Юлия. Прошу извинить меня, но я удаляюсь в свою комнату.

– Ты слишком строго соблюдаешь пост, – сказал Томас. – Я уверен, что ты заболеешь.

– О нет. Спокойной ночи.

В коридоре Артур встретил горничную и попросил разбудить его в шесть часов.

– Синьорино^[22] идет в церковь? – спросила она.

– Да. Спокойной ночи, Тереза.

Он вошел в свою комнату. Она принадлежала его матери. Альков, приходившийся против окна, был превращен в часовню во время ее продолжительной болезни. Большое распятие на черном пьедестале занимало середину алтаря. Перед ним висела лампада. В этой комнате она умерла. На стене, над постелью, висел ее портрет. На столе стояла принадлежавшая ей китайская ваза с букетом фиалок – ее любимых цветов. Минул ровно год со дня ее смерти. Слуги-итальянцы не забыли ее.

Артур вынул из чемодана портрет, тщательно завернутый и вставленный в рамку... Это был сделанный карандашом портрет Монтанелли. Он с нежностью стал разворачивать свое сокровище. В этот момент вошел мальчик, грум Юлии. Он держал в руках поднос. Старая кухарка-итальянка, служившая Глэдис до появления в доме новой строгой хозяйки, устала этот поднос всякими деликатесами, которые, как она знала, ее дорогой синьорино мог покушать, не нарушая церковных правил. Артур взял только кусок хлеба, а от прочего отказался. Он вошел в альков и опустился на колени перед распятием, напрягая все силы, чтобы настроить себя для молитвы и благочестивых размышлений. Ему это долго не удавалось.

Он и в самом деле, как сказал ему Томас, слишком усердствовал в соблюдении великопостных правил. Лишения, которым он себя подвергал, подействовали на его голову, как крепкое вино. По его спине пробежала легкая дрожь. Распятие стояло перед его глазами, как будто окутанное туманом. Он механически произнес несколько раз длинную молитву, и только этим путем удалось ему сосредоточить свое блуждающее внимание на тайне искупления. Наконец физическая усталость одержала верх над нервным возбуждением, и он улегся спать, свободный от тревожных и тяжелых дум.

Спал он крепко. Вдруг раздался сильный стук в дверь.

«А, Тереза», – подумал он, лениво поворачиваясь на другой бок.

Стук повторился. Он в испуге проснулся.

– Синьорино! Синьорино! – крикнул кто-то по-итальянски.

Он соскочил с постели.

– Что случилось? Кто там?

– Это я, Джиан Баттиста. Вставайте, ради бога, скорее!

Артур торопливо оделся и отпер дверь. Растерявшись, он смотрел на бледное, искаженное от ужаса лицо кучера. По коридору раздавался стук шагов и лязг металла. Он быстро сообразил, что это значит.

– За мной? – спросил он спокойно.

– За вами! О синьорино, торопитесь! Что вам нужно спрятать? Я могу...

– У меня ничего нет. Братья знают?

На повороте коридора показался первый мундир.

– Синьора разбудили. Весь дом проснулся! О, какое горе, какое ужасное горе! И еще в Страстную пятницу. Угодники Божьи, сжальтесь над нами!

Джиан Баттиста разрыдался.

Артур сделал несколько шагов вперед и ждал жандармов. Они вошли в комнату в сопровождении толпы слуг, одетых во что попало. Артура окружили солдаты. Странную процессию

замыкали хозяин и хозяйка дома. Он – в туфлях и в халате, а она – в длинном пеньюаре с папильотками в волосах.

«Как будто наступает второй потоп, и эти пары, спасаясь, двигаются в ковчег! Вот, например, пара престранных животных!»

Это сравнение мелькнуло в голове Артура, пока он смотрел на стоявшие перед ним смешные фигуры.

Он едва удерживался от смеха, сознавая всю его неуместность в такую серьезную минуту.

– Ave, Maria, Regina, Coeli^[23], – прошептал он и отвернулся, чтобы не видеть торчащих папильоток Юлии, введших его в искушение.

– Будьте добры, объясните мне, – сказал мистер Бертон, приближаясь к жандармскому офицеру, – что значит это насильственное вторжение в частный дом? Я должен предупредить вас, что мне придется обратиться к английскому посланнику, если вы не дадите удовлетворительных объяснений.

– Думаю, что этого будет достаточно как для вас, так и для английского посланника, – произнес офицер с сознанием собственного достоинства.

Он развернул приказ об аресте Артура Бертона, студента философии, и вручил его Джемсу, холодно прибавив:

– Если вам понадобятся дальнейшие объяснения, советую обратиться к начальнику полиции.

Юлия вырвала бумагу из рук мужа, быстро пробежала ее глазами и накинулась на Артура так грубо, как только может это сделать пришедшая в бешенство благовоспитанная леди.

– Так это вы опозорили нашу семью! – вопила она. – Из-за вас вся эта городская чернь собралась, словно на базаре, и скалит зубы по нашему адресу! Хорошо, нечего сказать! Со своим благочестием, миленький, в тюрьму угодили. Впрочем, чего же было и ожидать от сына католички...

– Сударыня, с арестованным не полагается говорить на иностранном языке, – прервал ее офицер, но его замечание потонуло в потоке английских ругательств, лившихся из уст Юлии.

Как-то доктор Уоррен сравнил Юлию с салатом, в который повар вылил полную склянку уксуса. Ее визгливый, пронзительный голос заставлял Артура стискивать зубы. И вот теперь ему вдруг вспомнилось сравнение доктора.

– Какой смысл разговаривать об этом? – сказал он. – Вам нечего опасаться неприятностей. Всем понятно, что вы совершенно невинны. Я полагаю, – прибавил он, обращаясь к жандармам, – вы хотите осмотреть мои вещи.

Пока жандармы обыскивали комнату, перечитывали письма, просматривали университетские бумаги и выдвигали ящики, он сидел на краю постели и ждал. Обыск его не беспокоил: он всегда сжигал все письма, которые могли кого-нибудь скомпрометировать, и теперь, кроме нескольких рукописных стихотворений, полуревOLUTIONIONНЫХ, полумистических, да двух-трех номеров «Молодой Италии», жандармы не нашли ничего, что могло бы вознаградить их за труды.

После долгого сопротивления Юлия уступила настояниям своего деверя и пошла спать, окинув Артура презрительным взглядом. Джемс покорно последовал за ней.

Когда они вышли из комнаты, Томас, который все это время шагал взад и вперед, стараясь казаться равнодушным, подошел к офицеру и попросил у него разрешения переговорить с арестованным. Получив согласие, он приблизился к Артуру и пробормотал поспешно:

– Чертовски неприятная история! Я ужасно огорчен.

Артур взглянул на него ясными глазами.

– Вы были всегда добры ко мне, – сказал он. – Вам нечего беспокоиться. Мне ничто серьезное не угрожает.

– Вот что, Артур! – Томас нервно тербил усы, не решаясь задать неприятный вопрос. – А что, эта история имеет какое-нибудь отношение к денежным делам? – спросил он наконец. – Потому что, если это так, то я...

– К денежным делам? Нет, конечно. Что может быть тут общего?..

– В таком случае это какая-нибудь политическая чепуха? Я и раньше кое-что подозревал. Ну, что же делать... Не смущайтесь и не обращайтесь внимания на глупые выходки Юлии: вы ведь знаете, какой у нее язык. Так вот, если нужна будет моя помощь – деньги или еще что, – дайте знать.

Артур молча протянул ему руку, и Томас вышел из комнаты, стараясь придать своему лицу выражение равнодушия.

Тем временем жандармы закончили обыск, и офицер попросил Артура надеть пальто. Артур сейчас же это исполнил и повернулся, чтобы выйти, но остановился в нерешительности: ему было тяжело прощаться с комнатой в присутствии полиции.

– Вы не могли бы... вы не могли бы выйти на минуту из комнаты? – спросил он одного из жандармов. – Убежать я все равно не могу, а прятать мне нечего.

– Мне очень жаль, но мы не можем этого сделать: арестованных запрещено оставлять одних.

– Что ж делать, пусть так.

Офицер стоял у стола и рассматривал портрет Монтанелли.

– Это ваш родственник? – спросил он.

– Нет, это мой духовный отец, новый епископ Бризигеллы.

На лестнице итальянская прислуга ожидала его, тревожная и опечаленная. Все любили Артура, как прежде любили его мать, и теперь теснились вокруг него с грустными лицами. Джан Баттиста стоял тут же, и слезы катились на его седые усы. Никто из Бертонов не вышел провожать арестанта. Их холодность только сильнее подчеркивала преданность и любовь слуг, и Артур был совсем растроган, пожимая протянутые к нему руки.

– Прощай, Джан Баттиста, поцелуй детей за меня! Прощайте, Тереза! Прощайте, прощайте...

Он быстро сбежал с лестницы к входной двери.

Через минуту маленькая группа безмолвных мужчин и рыдающих женщин стояла у дверей, глядя вслед уезжающей коляске.

Глава VI

Артур был заключен в средневековую крепость громадных размеров, расположенную у самой гавани. Тюремная жизнь показалась ему довольно сносной. В его камере неприятно поражали темнота и сырость, но он вырос в старом палаццо^[24], и ни спертый воздух, ни крысы, ни тяжелый запах не были для него новостью. Тюремная пища была плоха, и ее давали мало, но скоро его брату Джемсу дано было разрешение присылать в тюрьму все необходимое. Артур сидел в одиночном заключении, и хотя надзор за ним был не так строг, как он того ожидал, он все-таки не мог получить объяснения причины своего ареста. И тем не менее его не покидало душевное спокойствие. Ему не разрешали читать, и все время проходило у него в молитве и благочестивых размышлениях.

Терпеливо и спокойно он ожидал дальнейших событий.

Однажды утром солдат отпер дверь камеры и сказал: «Пожалуйста!» После двух-трех вопросов, на которые был только один ответ: «Разговаривать воспрещено», – Артур покорился неизбежному и побрел за солдатом через целый лабиринт дворов, коридоров и лестниц. Наконец он добрался до большой светлой комнаты, где за длинным столом, покрытым зеленым сукном и заваленным бумагами, сидели трое военных со скучающими лицами, перебрасываясь отрывочными фразами. Когда он вошел, они сейчас же приняли важный, деловой вид, и старший из них, уже пожилой, с седыми бакенбардами, щеголевато одетый полковник, указал ему на стул, стоявший по другую сторону стола, и приступил к предварительному допросу.

Артур ожидал угроз, оскорблений, ругательств и приготовился отвечать с выдержкой и достоинством. Но ему пришлось приятно разочароваться. Полковник был чопорен, холоден, по-казенному сух, но безукоризненно вежлив. Были предложены шаблонные вопросы об имени, возрасте, национальности, социальном положении. Артур отвечал, и за ним записывали в однообразном, наводящем скуку порядке.

Он уже начал чувствовать скуку и нетерпение, как вдруг полковник сказал:

– Ну а теперь, мистер Бертон, расскажите нам, что вам известно о «Молодой Италии».

– Мне известно, что это политическое общество, которое издает газету в Марселе и распространяет ее по Италии с целью подготовить народ к восстанию и изгнать австрийскую армию из пределов страны.

– Вы читали эту газету?

– Да. Я интересовался ее содержанием.

– А когда вы читали ее, приходило вам в голову, что вы совершаете противозаконный акт?

– Конечно.

– Где вы достали экземпляры, найденные в вашей комнате?

– Этого я не могу вам сказать.

– Мистер Бертон, вы не должны здесь говорить: «Я не могу сказать». Вы обязаны ответить на все мои вопросы.

– В таком случае – не хочу, если вам не нравится «не могу».

– Вам придется пожалеть впоследствии, если вы позволите себе говорить со мной в таком тоне, – заметил полковник.

Артур ничего не ответил, и тот продолжал:

– Могу еще прибавить, что в наши руки попали веские данные, указывающие на то, что ваши отношения к обществу были гораздо ближе, чем какие могли бы вытекать из простого чтения запрещенной литературы. Для вас же будет лучше, если вы откровенно сознаетесь во всем. Все равно истина будет раскрыта, и вы увидите, что бесполезно было стараться выгородить себя увертками и запирательством.

– У меня нет никакого желания выгораживать себя. Что хотите вы знать?

– Прежде всего скажите, каким образом вы, иностранец, могли впутаться в подобного рода дела?

– Я много передумал, прочитал по этому поводу все, что мог достать, и пришел к определенным заключениям.

– Кто убедил вас присоединиться к организации?

– Никто. Это было моим личным желанием.

– Вы меня морочите! – произнес резко полковник – терпение, очевидно, начинало ему изменять. – Никто не может присоединиться к сообществу без помощи других, – сказал он. – Кому вы говорили о своем желании стать членом организации?

Молчание.

– Будьте любезны ответить.

– Нет, я не отвечу на такой вопрос.

Артур говорил злобно. Какое-то странное нервное раздражение овладевало им. В это время он уже знал об арестах, произведенных в Ливорно и Пизе. Он еще не представлял себе истинных размеров разгрома, но и того, что доходило до его ушей, было достаточно, чтобы наполнить его лихорадочным чувством тревоги за участь Джеммы и остальных друзей.

Ему до тошноты надоела притворная вежливость господ офицеров, опротивел этот словесный турнир, эта скучная игра в коварные вопросы и уклончивые ответы. Он устал от всего этого, а тут еще часовой шагнул за дверью взад и вперед и своим тяжелым топотом терзал его слух.

– Между прочим, когда вы виделись в последний раз с Джованни Боллой? – спросил полковник после нескольких небрежно брошенных слов. – Перед вашим отъездом из Пизы?

– Это имя мне неизвестно.

– Как! Джованни Болла! Могу вас уверить, что вы его знаете. Молодой человек высокого роста, всегда гладко выбритый. Ведь он ваш товарищ по университету.

– Я знаком далеко не со всеми студентами университета.

– О, Боллу вы не можете не знать. Посмотрите: вот его почерк. Вы видите, он прекрасно вас знает.

И полковник небрежно передал ему бумагу, в заголовке которой стояло: «Протокол», а внизу была подпись: «Джованни Болла». Наскоро пробегая ее, Артур наткнулся на свое имя. Он с изумлением поднял глаза.

– Разрешите прочесть? – спросил он у полковника.

– Да, конечно. Это касается вас.

Он начал читать, а офицеры молча сидели и наблюдали за выражением его лица. Документ был наполнен показаниями, данными в ответ на целый ряд вопросов. Ясно было, что Болла тоже арестован. Первые показания ничего не давали нового. Это были обычные стереотипные ответы, повторяющиеся при каждом допросе. Затем следовал краткий отчет об отношениях Боллы к организации, о распространении в Ливорно запрещенной литературы, о студенческих собраниях. А дальше стояло: «В числе примкнувших к нам был один молодой англичанин, по имени Артур Бертон, из семьи богатых ливорнских судовладельцев».

Кровь хлынула в лицо Артура. Болла выдал его! Болла, который принял на себя священную обязанность руководителя, Болла, который любил Джемму и вовлек ее в организацию! Он положил бумагу и тупо смотрел вниз.

– Надеюсь, этот маленький документ освежит вашу память? – ядовито заметил полковник.

Артур покачал головой.

– Никого не знаю с этим именем, – повторил он угрюмо. – Тут, вероятно, какое-нибудь недоразумение.

– Недоразумение? О, пустяки! Знаете, мистер Бертон, рыцарство и донкихотство – прекрасные вещи, но не надо доводить их до крайности. Это ошибка, в которую постоянно впадает молодежь. Подумайте: стоит ли компрометировать себя и портить себе карьеру из-за пустой формальности, шадя человека, который вас же выдал? Вы сами видите, что он не был особенно щепетилен, когда давал показания о вас.

Что-то очень похожее на насмешку послышалось в голосе полковника. Артура передернуло. Внезапная догадка пронеслась у него в голове:

– Это ложь! Вы совершили подлог! Я вижу это по вашему лицу! Вы – низки! Я разгадал ваши планы: вы хотите кого-нибудь скомпрометировать или строите ловушку, чтобы поймать меня. Вы обманщик, лгун, подлец!

– Молчать! – закричал полковник, в бешенстве вскакивая со стула.

Оба его сослуживца были уже на ногах.

– Капитан Томмази, – сказал он, обращаясь к одному из них, – позовите надзирателя и прикажите посадить в карцер на несколько дней этого молодого человека. Я вижу: он нуждается в уроке, чтобы стать рассудительным.

Карцер напоминал крысиную нору. В нем было темно, сыро и нестерпимо грязно. Все это довело Артура до последней степени раздражения, вместо того чтобы заставить его здраво мыслить, как того хотел полковник. Богатый дом, в котором он вырос, воспитал в нем крайнюю требовательность во всем, что касалось чистоплотности.

А теперь ему пришлось касаться липких стен, покрытых плесенью, стоять на полу, заваленном кучами мусора и всяких нечистот, вдыхать ужасный зловонный запах, распространявшийся от сточных труб и прогнившего дерева. Первое впечатление было настолько сильно, что оскорбленный офицер смело мог бы удовлетвориться возмездием. Когда Артура втолкнули в эту конуру и захлопнули за ним дверь, он осторожно шагнул вперед, нащупывая руками дорогу. Он содрогался от отвращения всякий раз, когда его пальцы касались липкой грязи, покрывавшей стены. Прежде чем сесть, он отыскал руками в потемках место на полу, где было меньше грязи.

Целый день он провел в непроглядной темноте, среди полной тишины. Наступила ночь, но она не принесла никаких перемен. Его окружала все та же пустота. Неоткуда было набираться внешних впечатлений. Он постепенно терял сознание времени. На следующий день в замке шелкнул ключ. Испуганные крысы с писком прошмыгнули мимо его ног. Им овладел внезапный ужас. Он вскочил. Сердце его отчаянно билось, в ушах стоял шум. У него было такое ощущение, как будто ни свет, ни звуки не доходили до него целые месяцы.

Дверь отворилась, и слабый свет фонаря прорезал густую темноту карцера. Его ослепил этот свет. Вошел старший надзиратель. Он принес кусок хлеба и кружку воды. Артур шагнул к двери. Он был уверен, что пришли за ним, что надзиратель хотел вывести его отсюда. Но, прежде чем он успел что-нибудь сказать, надзиратель передал ему хлеб и воду, повернулся и молча ушел. Дверь снова захлопнулась.

Артур топнул ногой. Первый раз в жизни он не мог сдержаться. Часы проходили. Сознание места и времени все больше и больше ускользало от него.

Темнота представлялась ему безграничной, без начала и конца. Внешняя жизнь для него умерла.

На третий день вечером дверь опять отворилась. На пороге стоял надзиратель в сопровождении солдата. Артур рассеянно озирался. Он стоял, защищая глаза от света, тщетно стараясь подсчитать, сколько часов, дней или недель он пробыл в этой могиле.

– Пожалуйста, – холодным, деловитым тоном произнес надзиратель.

Артур машинально побрел за ним неуверенными шагами, спотыкаясь и пошатываясь, словно пьяный. Надзиратель хотел было помочь ему подняться по крутым узким ступенькам,

которые вели во двор, но он отказался. Когда он взошел на верхнюю ступеньку, у него закружилась голова. Артур пошатнулся и упал бы, если бы надзиратель не поддержал его за плечо.

– Ну, теперь все прошло, – произнес приветливый голос, – это всегда бывает, когда выйдут отсюда на воздух.

Артур делал отчаянные попытки вздохнуть, когда ему опять брызнули водой в лицо. Темнота, казалось, отставала от него, распадаясь с грохотом на куски.

Он наконец пришел в себя и, оттолкнув руки надзирателя, почти твердыми шагами пошел по коридору и по лестнице. На минуту они приостановились перед дверью. Потом она открылась, и он очутился в освещенной комнате, прежде чем успел понять, куда его ведут. Недоумевающим взглядом окинул он стол, заваленный бумагами, и офицеров, сидевших на своих обычных местах.

– А, мистер Бертон! – проговорил полковник. – Надеюсь, теперь мы будем сговорчивее. Ну, как вам понравился карцер? Не правда ли, в нем нет такой роскоши, как в гостиной вашего брата?

Артур перевел глаза на улыбающееся лицо полковника. Им овладело безумное желание броситься на этого франта с седыми бакенбардами и задушить его.

Должно быть, на его лице было написано что-нибудь в этом роде, потому что полковник сейчас же прибавил уже совершенно другим тоном:

– Сядьте, мистер Бертон, и выпейте воды.

Артур оттолкнул предложенный ему стакан с водой. Облокотившись на стол, он приложил руку ко лбу, силясь собрать мысли. Полковник внимательно за ним наблюдал. Его опытный глаз подметил дрожь в руках, трясущиеся губы, мокрые от сырости волосы, тусклый взгляд, говоривший о физической слабости и нервном переутомлении.

– Теперь, мистер Бертон, – снова начал полковник после нескольких минут молчания, – мы вернемся к тому, на чем остановились в прошлый раз. Тогда между нами произошла маленькая неприятность. Я думаю, она больше не повторится. Во всяком случае, я начинаю наш разговор заявлением, что у меня теперь единственное желание – быть снисходительным. Могу вас уверить, что с вами обойдутся без излишней строгости, если вы будете вести себя прилично и проявите должную рассудительность.

– Что вы хотите от меня?

Артур произнес это суровым, злым, совсем не своим голосом.

– Мне нужно только, чтобы вы сказали откровенно и честно, что вам известно об организации и ее членах. Прежде всего, как давно вы знакомы с Боллой?

– Я его никогда не встречал. Мне о нем ровно ничего не известно.

– Неужели? Хорошо, мы скоро вернемся к этому. Может быть, вы знаете молодого человека по имени Карло Бини?

– Никогда не слышал.

– Это уже совсем странно. Ну а что вы можете сказать о Франческо Кэри?

– Первый раз слышу это имя.

– Но ведь вот письмо, адресованное ему и написанное вашей рукой. Посмотрите!

Артур равнодушно взглянул на письмо и отложил его в сторону.

– Ну, что? Оно вам незнакомо?

– Нет.

– Вы отрицаете, что это ваш почерк?

– Ничего я не отрицаю. Я не помню, чтобы я писал это письмо.

– Может быть, вы вспомните это?

Ему передали второе письмо. Он узнал письмо, которое он писал осенью одному студенту-товарищу.

– Нет, – ответил он.

– И не знаете лица, которому оно адресовано?

– Не знаю.

– У вас удивительно короткая память.

– Это мой давнишний недостаток.

– Вот как! А я слышал от одного из университетских профессоров, что вас отнюдь не считают не способным. Напротив, о вас сложилось мнение как об очень умном молодом человеке.

– Вы судите об уме, вероятно, с полицейской точки зрения. Профессора университета употребляют это слово в несколько ином смысле.

Нотка нарастающего раздражения явственно слышалась в голосе Артура. Голод, дурной воздух и бессонные ночи истощили его. Он чувствовал боль во всем теле, у него ныла каждая косточка. Голос полковника надрывал и без того уже измученные нервы. Он действовал на них как царапанье грифеля по доске, заставляя зубы сжиматься.

– Мистер Бертон, – сказал с сознанием своего достоинства полковник, разваливаясь в кресле, – вы опять забываетесь. Я вас еще раз предостерегаю, что разговор в подобном тоне не доведет вас до добра. Вы уже достаточно ознакомлены с карцером, и я думаю, не желаете еще раз испытать его прелести. Скажу вам откровенно: я применю к вам строгие меры, если с вашей стороны не будет проявлено достаточной уступчивости. Помните, у меня есть веские доказательства, что некоторые из названных мною молодых людей занимались тайным провозом запрещенной литературы в здешней гавани. Мне известно, кроме того, что вы были в сношениях с ними. Так вот, намерены ли вы мне сказать без принуждения, что вы знаете об этом деле?

Артур только ниже опустил голову. Слепое, животное бешенство точно живое существо шевелилось в нем. Его пугали не столько угрозы полковника, сколько то, что сам он начал терять самообладание. Он в первый раз ясно увидел, что скрывается под культурной оболочкой человека и за смирением христианина. На него напал ужас.

– Я жду ответа, – сказал полковник.

– Мне нечего вам ответить.

– Так вы решительно отказываетесь отвечать?

– Ничего я вам не скажу.

– В таком случае мне придется распорядиться, чтобы вас вернули в карцер и держали там до тех пор, пока ваше решение не переменится. Если вы будете буйствовать, я прикажу надеть вам кандалы.

Артур поднял голову. По его телу пробежала дрожь.

– Поступайте как вам угодно, – сказал он тихо. – Но допустит ли английский посланник, чтобы так обращались с британским подданным, не доказав его преступности ни в чем, – это его дело решать.

Артура увели в камеру, где он повалился на постель и проспал до следующего утра. На него не надевали кандалов, не пришлось пока ему увидеть еще и карцера. Но с каждым допросом росла вражда между ним и полковником.

Напрасно воссылал Артур молитвы к Богу о том, чтобы Он даровал ему силы побороть в себе злые страсти. Как только его приводили в длинную, почти пустую комнату, где стоял все тот же стол, покрытый сукном, как только он встречался с полковником и взглядывал на его нафабранные усы, – злобная ненависть снова овладевала им и поднимала в нем неистовое желание говорить дерзости и на первый же вопрос этого господина бросить ему в лицо презрительный ответ. Еще не прошло и месяца, как он сидел в тюрьме, а их взаимное раздражение достигло такой напряженности, что они не могли спокойно смотреть друг на друга.

Затяжной характер этой булавочной борьбы начинал уже заметно отзываться на его нервах. С каждым днем он все больше и больше боялся крепко заснуть или съесть что-нибудь: ему было отлично известно, как зорко за ним наблюдают, а из головы не выходили слухи о том, что арестованных опаивают незаметно для них белладонной^[25], – чтобы выманить показания, которые мог дать в бреду кто-нибудь из них. Когда ночью мимо него пробегала мышь, он вскакивал в поту, дрожа от ужаса, и ему чудилось, что кто-то прячется в его комнате и подслушивает, не говорит ли он во сне. Он видел, что жандармы стараются поймать его на каком-нибудь признании, которое могло бы уличить Боллу. И нервы его действительно так расшатались, что для него был большой риск попасть в эту ловушку. Денно и ночью в его ушах звучало имя Боллы. Оно не сходило с его языка во время благочестивых молитвенных порывов и непроизвольно выговаривалось вместо имени Мария, когда он шептал молитвы, перебирая четки. Но хуже всего было то, что религиозное настроение с каждым днем уходило от него. С лихорадочным упорством он цеплялся за последнюю поддержку, проводя в молитве ежедневно по несколько часов. Но его мысли чаще и чаще возвращались к Болле, а молитвы произносились холодно, механически.

Большую отраду доставлял ему старший тюремный надзиратель. Это был маленький старичок, кругленький и лысый. Сначала он изо всех сил старался напустить на себя строгость. Но прирожденная доброта, сквозившая в каждой ямочке его пухлого лица, превозмогла официальную исполнительность, и скоро он стал передавать записки из одной камеры в другую.

Как-то раз после обеда, в один из майских дней, этот надзиратель вошел в камеру Артура и окинул ее таким хмурым взглядом, что Артур с удивлением посмотрел на него.

– В чем дело, Энрико? – воскликнул он. – Что с вами сегодня случилось?

– Ничего, – грубо ответил Энрико и сейчас же, подойдя к койке, стал собирать платье Артура.

– Зачем вы берете мои вещи? Разве меня переводят в другую камеру?

– Нет, вас выпускают.

– Выпускают? Сегодня? Совсем выпускают?

В волнении Артур схватил надзирателя за руку, но тот с сердцем вырвал ее.

– Энрико, что на вас нашло? Скажите, мы все сейчас выйдем?

В ответ послышалось только презрительное ворчание.

– Слушайте... – Артур с улыбкой взял за руку старика. – Вам не к чему на меня сердиться – я все равно не обижусь. Расскажите мне лучше о других.

– О других? – проворчал Энрико. – Не о Болле ли хотели вы спросить?

– Да, и о нем, и об остальных. Энрико, что с вами?

– Не похоже, чтобы его скоро выпустили, когда его оговорил товарищ. Фу, какая низость! – И Энрико с отвращением снова взялся за рубашку.

– Его выдал товарищ? Какой ужас! – Артур широко раскрыл глаза.

Энрико быстро повернулся к нему:

– А разве это не вы его выдали?

– Я? Вы с ума сошли! Я?!

– По крайней мере, так ему сказали на допросе. Мне очень было бы приятно думать, что предатель не вы. Вас я всегда считал порядочным молодым человеком. Сюда!

С этим возгласом Энрико вышел в коридор, Артур последовал за ним. В голове его вдруг прояснилось, он быстро сообразил, в чем дело, и сказал:

– А, так вот оно что? Болле они говорили, что его выдал я, а мне, Энрико, они сказали, что меня оговорил Болла. Но Болла ведь не так глуп, чтобы верить этому.

– Так это и впрямь неправда? – Энрико остановился на ступеньках лестницы и окинул испытующим взглядом Артура, который только плечами пожимал в недоумении.

– Конечно, ложь.

– Вот как! Рад слышать. Пойду к Болле, передам, что вы сказали. Но знаете, они ему говорили еще, что вы донесли на него... Как это они сказали? Да, из ревности. Оба вы будто полюбили одну и ту же девушку.

– Это ложь! – Артур повторил это слово быстрым шепотом, задыхаясь. Им овладел внезапный парализующий страх. – Ту же девушку! Ревность! Как они могли узнать? Как они могли узнать?

– Подождите минутку! – Энрико приостановился в коридоре перед комнатой, в которой производились допросы, и мягко сказал: – Я верю вам. Но скажите мне вот еще что. Я знаю, вы католик. Не говорили ли вы чего-нибудь на исповеди?

– Это ложь! – На этот раз голос Артура поднялся почти до крика.

Энрико пожал плечами и пошел вперед.

– Конечно, вам лучше знать. Но только вы были бы не единственным простаком, которые попадают на эту удочку. Вот теперь как раз усиленно говорят о каком-то священнике в Пизе. Ваши друзья уже изобличили его. Они отпечатали листок с предупреждением, что это шпион.

Он отворил дверь в комнату для допросов и осторожно толкнул Артура через порог, видя, что тот стоит неподвижно и растерянно смотрит перед собой.

– Здравствуйтесь, мистер Бертон, – произнес полковник, любезно ослабившись. – Мне очень приятно поздравить вас. Из Флоренции прибыл приказ о вашем освобождении. Будьте добры подписать эту бумагу.

Артур подошел к нему.

– Скажите, – произнес он упавшим голосом, – кто меня выдал?

Полковник с улыбкой приподнял брови:

– Не догадываетесь? Подумайте немного.

Артур покачал головой. Полковник сделал жест вежливого удивления:

– Не догадываетесь? Неужели? Да вы же, вы сами, мистер Бертон. Кто же еще мог знать о ваших любовных делах?

Артур молча отвернулся. На стене висело большое деревянное распятие. Он окинул его долгим взглядом. Но не молитвенное обращение за помощью можно было прочесть в этом взгляде, а только тупое удивление излишнему долготерпению Господа, который не поразил громовой стрелой священника, разгласившего тайну исповеди.

– Будьте добры расписаться в получении ваших бумаг, – мягко произнес полковник, – и я дольше не буду задерживать вас. И вам, я уверен, хочется скорее добраться до дому, да и у меня все время теперь занято делами этого молодого сумасброда Боллы. И какому жестокому испытанию он подверг вашу христианскую кротость. Боюсь, его постигнет суровый приговор. Прощайте!

Артур расписался, взял свои бумаги и вышел в гробовом молчании. До массивных тюремных ворот он шел следом за Энрико, а потом, ни слова не сказав ему на прощание, уже один спустился к берегу, где ждал его перевозчик, чтобы переправить через канал. В тот момент, когда он поднимался по каменным ступенькам на улицу, навстречу ему с распростертыми объятиями неслась девушка в простеньком шерстяном платье и в соломенной шляпе.

– Артур! Я так счастлива, так счастлива!

Он вздрогнул от неожиданности и отвел руку.

– Джим! – проговорил он наконец не своим голосом. – Джим!

– Я ждала здесь целых полчаса. Сказали, что вас выпустят в четыре. Артур, отчего вы так смотрите на меня? Что-нибудь случилось? Что с вами? Остановитесь.

Он отвернулся и медленно пошел по улице, как бы забыв о ней. Его странное поведение испугало ее. Она пошла за ним, хватая его за руки.

– Артур!

Он остановился и растерянно взглянул на нее. Она взяла его под руку. В течение нескольких минут они шли рядом, не говоря ни слова.

– Слушайте, дорогой, – начала она нежно. – Вы не должны сокрушаться об этом печальном недоразумении. Я знаю, это было ужасно жестоко по отношению к вам, но все понимают...

– Какое недоразумение? – спросил он тем же подавленным голосом.

– Я говорю о письме Боллы.

При этом имени лицо у Артура болезненно исказилось.

– Я думаю, вы слыхали о нем, – продолжала она. – Болла, должно быть, совсем сумасшедший, раз он мог вообразить себе такую нелепость.

– Какую нелепость?

– Значит, вы ничего не знаете? Он написал ужасное письмо. Он говорил там, что вы рассказали о пароходе, что благодаря этому он арестован. Полная нелепость! Кто знает вас, отлично понимает это. Только те, кто совершенно вас не знает, могут из-за этого волноваться. Поэтому-то я и пришла сюда: мне хотелось скорее передать вам, что никто в нашей группе не верит ни одному слову письма.

– Джемма! Но это... это правда!

Она медленно отшатнулась от него и стояла безмолвная. В ее больших темных глазах был ужас. Лицо побледнело как тот шарф, которым она повязала шею.

– Да, – прошептал он наконец. – Пароход... я сказал о нем и имя Боллы назвал. Боже мой! Боже мой! Что мне делать?

Он вдруг пришел в себя. Теперь он ясно сознавал ее присутствие, видел смертельный ужас на ее лице. Да, это ужасно! Она, наверное, думает...

– Джемма, вы не понимаете! – вырвалось у него наконец.

Он шагнул к ней. Она отскочила с резким криком:

– Не прикасайтесь ко мне!

Артур порывисто схватил ее правую руку.

– Выслушайте, ради бога! Не моя вина была... я...

– Оставьте меня! Пустите руку! Оставьте!

И вслед за этим она вырвала свои пальцы из его рук и ударила его по щеке.

Густой туман застлал перед ним свет. С минуту он ничего не видел перед собой, кроме бледного лица Джеммы, на котором было написано отчаяние, и ее руки – она вытирала ее о полу своего платья. Затем в его глазах прояснилось... Он осмотрелся и увидел, что он один.

Глава VII

Было совсем темно, когда Артур позвонил у наружной двери большого дома Виа-Борра. Он помнил, что скитался по улицам, но совершенно не мог припомнить, где, почему и как долго. Артур поднялся по лестнице. В первом этаже он столкнулся с Джиббонсом, который спускался ему навстречу с выражением надменного порицания на лице. Артур сделал попытку проскользнуть мимо него, пробормотав обычное «доброй вечер». Но трудно было миновать Джиббонса, когда Джиббонс того не хотел.

– Господ нет дома, сэр, – сказал он, окидывая пренебрежительным взглядом грязное платье и всклокоченные волосы Артура. – Они все ушли в гости и раньше двенадцати не возвращаются.

Артур посмотрел на часы. Было только десять. Да! Времени у него больше чем достаточно.

– Миссис Бертон приказала мне спросить, не хотите ли вы ужинать, сэр, и передать вам, что она надеется застать вас еще не спящим. Она хотела сегодня же переговорить с вами о чем-то важном.

– Благодарю вас, Джиббонс. Я не буду ужинать, а миссис Бертон передайте, что я не лягу спать до ее возвращения.

Он прошел в свою комнату. В ней все оставалось на прежних местах со дня его ареста. Портрет Монтанелли лежал на столе, где он его положил, а распятие, как и раньше, стояло в алькове. Он на минуту остановился на пороге, прислушиваясь, будто хотел убедиться, что никто не помешает. Сделав несколько осторожных шагов, он вошел в комнату и запер за собой дверь.

Итак, всему конец. Не о чем было много раздумывать. Только бы отделаться от ненужного и неприятного сознания и... кончено. А все-таки – как это глупо, бессельно.

У него не было определенного решения лишить себя жизни. Он даже не особенно думал об этом, но такой конец казался ему неизбежным. У него не было и ясного представления о том, как именно он покончит с собой. Все сводилось к тому, чтобы проделать это быстро – порешить с собой и забыться. Под руками у него не было никакого оружия, даже перочинного ножа не оказалось. Но это не имело значения: достаточно полотенца или простыни, разорванной на куски.

Как раз над окном торчал большой гвоздь. «Это хорошо», – мелькнуло у него в голове. Но гвоздь должен быть достаточно крепок, чтобы выдержать тяжесть тела. Артур взобрался на стул и попробовал: гвоздь оказался надежным. Он тогда слез со стула, достал из ящика молоток, ударил им несколько раз по гвоздю и собирался уже стащить с постели простыню, как вдруг вспомнил, что не прочел молитвы.

Он вошел в альков и опустился на колени перед распятием. «Отче всемогущий и милостивый», – произнес он громко и остановился, не прибавив больше ни слова. Жизнь казалась ему теперь такой беспросветной, что в ней не оставалось ничего, о чем бы стоило молиться.

Артур поднялся и по старой привычке осенил себя крестным знамением. Потом подошел к столу и увидел адресованное ему письмо, написанной рукою Монтанелли. Оно было написано карандашом.

«Дорогой мой! – стояло в этом письме. – Я в отчаянии, что не могу повидаться с тобой в день твоего освобождения. Меня позвали к умирающему. Не вернусь до поздней ночи. Приди ко мне пораньше завтра утром.

Л. М.».

Он со вздохом положил письмо и подумал: «Бедный падре!»

А люди смеялись и весело болтали на улицах. Ничто не изменилось в мире с того дня, когда он был еще жив. Ни одна из повседневных мелочей, его окружавших, не стала иной оттого, что человеческая душа, живая человеческая душа была искалечена насмерть. Все оставалось тем же, каким было и раньше. В фонтанах сверкали струи воды, воробьи щебетали под навесами крыш, как они делали это вчера и будут делать завтра... А он... он был мертв.

Артур опустил на край кровати, скрестил руки на спинке ее и положил на них голову.

У наружной двери резко прозвенел звонок. Он вскочил, задыхаясь от страха, и схватился обеими руками за горло. Пришли, а он сидит в полудремоте, упустив драгоценное время. Он не покончил с собой, и вот теперь ему придется видеть их лица, их презрительные усмешки, слышать враждебные голоса и скучные попреки. О, если бы был под руками нож!..

Он с отчаянием оглядел комнату. На шифоньерке стояла рабочая корзинка его матери. «Там должны быть ножницы, – мелькнуло у него в голове. – Этого достаточно, чтобы перерезать артерию. Нет, простыня и гвоздь вернее, будь у меня только время».

Он сдернул простыню с постели и с безумной поспешностью стал рвать ее на длинные полосы. На лестнице раздались шаги. Нет, полосы слишком широки: не удастся туго затянуть; а потом еще нужно сделать петлю. Он заторопился. Шаги приблизились. Кровь стучала в висках и шумела в ушах. Скорее, скорее! О боже! Еще только пять минут!

Раздался стук в дверь. Полосы разорванной материи выпали у него из рук. Он сидел неподвижно, стараясь не дышать и напрягая слух. Повернулась ручка двери. Затем послышался голос Юлии:

– Артур!

Он встал, почти задыхаясь.

– Артур, отворите, пожалуйста, дверь. Мы ждем.

Он собрал разорванную простыню, бросил ее в ящик и торопливо оправил постель.

– Артур! – Это был уже голос Джемса, который с нетерпением дергал за ручку двери. – Вы спите?

Артур окинул взглядом комнату и отпер дверь.

– Мне кажется, Артур, вы могли бы исполнить мою просьбу и посидеть до нашего прихода, – сказала злым голосом Юлия, врываясь в комнату взбешенная. – По-вашему, оно так и следует, чтобы мы полчаса танцевали перед дверью, ожидая, пока нам отворят?

– Только четыре минуты, моя дорогая, – робко поправил ее Джемс, входя следом за ее длинным розовым атласным шлейфом. – Я полагаю, Артур, что было бы куда приличнее...

– Что вам нужно? – прервал его Артур.

Мистер Бертон подставил жене стул и сел сам, заботливо вздергивая у колен свои новые брюки.

– Мы с Юлией, – начал он, – считаем своим долгом серьезно переговорить с вами об...

– Сейчас я не могу слушать вас. Мне... мне нехорошо. У меня болит голова... Вам придется подождать.

Артур выговорил это странным, глухим голосом, то и дело запинаясь.

Джемс с удивлением взглянул на него.

– Не случилось ли чего с вами? – спросил он с тревогой, неожиданно вспоминая, что Артур пришел из очага заразы. – Надеюсь, вы не больны? Вы выглядите так, точно у вас лихорадка.

– Пустяки! – резко оборвала его Юлия. – Все это обычные комедии: просто ему стыдно смотреть нам в глаза. Идите сюда, Артур, и сядьте.

Артур медленно прошел по комнате и опустился на постель.

– Ну, что? – произнес он усталым голосом.

Мистер Бертон откашлялся, пригладил и без того уже гладкую бороду и вернулся к своей тщательно подготовленной речи:

– Я считаю своим долгом... своим тяжелым долгом переговорить с вами о вашем необыкновенном поведении и о ваших связях с... нарушителями закона... с поджигателями и... тому подобными людьми. Я убежден, что вами руководило, скорее, легкомыслие, чем испорченность... – Он остановился.

– Дальше? – произнес Артур.

– Так вот, я не хочу быть жестоким, – продолжал Джемс, невольно смягчаясь при виде усталого и безнадежного выражения лица Артура. – Я готов допустить, что вас совратили дурные товарищи, и охотно принимаю во внимание вашу молодость, неопытность и... еще... еще... легкомыслие и впечатлительность, которую, боюсь, вы унаследовали от вашей матери.

Артур медленно перевел глаза на портрет матери, но продолжал молчать.

– Но вы, конечно, поймете, – говорил опять Джемс, – что мне невозможно дольше терпеть в своем доме человека, который обесчестил перед обществом наше имя, пользовавшееся таким уважением.

– Ну, дальше? – повторил еще раз Артур.

– Как! – резко выкрикнула Юлия, с треском складывая свой веер и бросая его к себе на колени. – Намерены ли вы, Артур, что-нибудь сказать, кроме этого: «Ну, дальше»?!

– Вы поступите, конечно, так, как вам будет удобно, – ответил он медленно, не шевелясь. – А как – это не важно.

– Не важно? – протянул Джемс, пораженный этим ответом.

Его жена поднялась со стула, хохоча.

– Так вот как? Это не важно, не важно! Джемс, я надеюсь, теперь вы понимаете, какой благодарности можно ожидать с его стороны. Я говорила вам, к чему приведет снисходительность к папистским авантюристам и их отродью.

– Тише, тише! Не стоит, моя милая...

– Глупости, Джемс! Слишком много мы сентиментальничали! Какой-то незаконный ребенок, втершийся полноправным членом в нашу семью! Пора ему узнать, кто была его мать! Чего нам церемониться с сыном католического попа? Вот – читайте!

Она вынула из кармана помятый листок бумаги и швырнула его через стол Артуру. Он развернул его и узнал почерк своей матери.

Письмо было написано за четыре месяца до его рождения, как показывала дата. В нем заключалось признание, обращенное к мужу. Внизу стояли две подписи.

Артур медленно переводил глаза со строки на строку, пока не дошел до конца страницы, где после нетвердых букв, написанных рукой его матери, стояла уверенная подпись: «Лоренцо Монтанелли». Несколько минут он тупо смотрел на бумагу. Потом, не сказав ни слова, снова сложил листок и положил на стол.

Джемс встал и взял жену за руку.

– Ну, Юлия, довольно. Идите вниз, уже поздно. А мне нужно переговорить с Артуром кое о каких делах.

Когда Юлия, подобрав свой шлейф, вышла из комнаты, Джемс заботливо запер дверь и возвратился к стулу, стоявшему возле стола.

Артур сидел, как и раньше, не двигаясь и не говоря ни слова.

– Артур, – начал Джемс мягким тоном (Юлия уже не могла слышать его). – Очень жаль, что все так вышло. Вам бы не следовало этого знать. Мне приятно видеть, что вы держите себя с таким самообладанием. Юлия немного возбуждена... Женщины вообще часто... Ну, оставим это. Я не хочу быть с вами жестоким... – Он остановился, проверяя, какое впечатление произвела его снисходительная речь.

Артур оставался по-прежнему неподвижным.

– Конечно, дорогой мой, это печальная история, – продолжал Джемс после паузы, – и самое лучшее не говорить об этом. Мой отец был настолько великодушен, что не развелся с

вашей матерью, когда она ему призналась в своей измене. Он только потребовал, чтобы человек, совративший ее, оставил тотчас же Италию. Как вы знаете, он отправился миссионером в Китай. Лично я был против того, чтобы вы встречались с ним, когда он вернулся обратно. Но мой отец до последнего дня допускал его заниматься вашим воспитанием, поставив единственным условием, чтобы он не пытался видаться с вашей матерью. Надо отдать им справедливость – они до конца оставались верны этому условию. Все это очень прискорбно, но...

Артур поднял голову. Жизнь окончательно исчезла с его лица. Оно стало как восковое.

– Не представляется ли в-вам, – проговорил он мягко, странно заикаясь, – все это удивительно смешным?

– Смешным? – Джемс отодвинул стул от стола и смотрел на Артура, слишком ошеломленный, чтобы сердиться. – Смешным, Артур? Вы с ума сошли!

Артур вдруг закинул голову назад и разразился неистовым хохотом.

– Артур! – воскликнул почтенный судовладелец, с достоинством поднимаясь со стула. – Ваше легкомыслие меня поражает.

Ответа не было, а только следовали один за другим взрывы хохота, такого неудержимого, что даже Джемс начал сомневаться, не было ли тут чего-нибудь большего, чем простое легкомыслие.

– Совсем как истеричка, – пробормотал он и, презрительно передернув плечами, повернулся и начал нетерпеливо шагать по комнате взад и вперед. – Право, Артур, вы хуже Юлии. Перестаньте смеяться. Не могу же я дежурить здесь целую ночь!

С таким же успехом он мог бы обратиться к распятию и попросить его сойти с пьедестала. Артур был глух к увещаниям. Он все смеялся, смеялся без конца.

– Это, наконец, дико, – проговорил Джемс, перестав шагать по комнате. – Очевидно, ваши нервы слишком приподняты, чтобы вы могли быть рассудительным в эту минуту. Я не могу говорить с вами о деле, если вы будете продолжать так вести себя. Зайдите ко мне завтра после завтрака. А сейчас ложитесь-ка лучше спать. Спокойной ночи.

Он вышел, хлопнув дверью.

– Теперь истерика внизу, – бормотал он, спускаясь по лестнице тяжелыми шагами. – Там, вероятно, еще будут слезы.

Безумный смех замер на губах Артура. Он схватил со стола молоток и ринулся в альков к распятию.

Раздался треск. Он очнулся. Перед ним стоял пустой пьедестал. Молоток был еще в руках.

На полу у ног валялись обломки разбитого распятия.

Он швырнул молоток.

– Как это просто! – сказал он и отвернулся. – А я-то... И как я был глуп!

Задыхаясь, он опустился на стул у стола и сжал руками голову. Потом он поднялся, подошел к умывальнику и вылил себе на голову кувшин холодной воды. Успокоенный, он вернулся на прежнее место и погрузился в думы.

И из-за этих-то лживых, рабских душонок он вытерпел все муки стыда, гнева и отчаяния!.. Приспособил веревку, думал повеситься, потому что один служитель церкви оказался лжецом. Как будто не все они лгут! Довольно, все это миновало. Теперь он умнее. Нужно только стряхнуть с себя эту грязь и начать новую жизнь.

В доках достаточно морских судов. Нетрудно спрятаться на одном из них и уехать куда глаза глядят: в Канаду, в Австралию, в Капскую колонию – не все ли равно? Неважно, в какой стране он очутится, лишь бы подальше. Он приглядится к тамошней жизни: не подойдет она ему, попытается устроиться в другом месте.

Он вынул кошелек. В нем было тридцать три паоли^[26]. Не беда: у него есть еще дорогие часы. И вообще это неважно: как-нибудь он выпутается. Они, эти люди, начнут искать, будут

расспрашивать о нем в доках. Нет, надо навести их на ложный след, заставив их поверить, что он умер. И тогда он свободен, свободен, как птица. Он тихо засмеялся, представив себе, как Бертоны будут разыскивать его тело. Какая все это комедия!

Он взял листок бумаги и написал первые слова, которые пришли ему в голову: «Я верил в вас, как в Бога, а вы лгали мне всю жизнь».

Он сложил листок и адресовал его Монтанелли. На другом он написал: «Ищите мое тело в Дарсене». Потом надел шляпу и вышел из комнаты. Проходя мимо портрета матери, он посмотрел на него, усмехнулся и пожал плечами. Она ведь тоже лгала ему!

Тихо ступая, он прошел по коридору и, отодвинув засов двери, очутился на большой темной мраморной лестнице, отзывавшейся эхом на каждый шорох.

И пока он спускался, ему казалось, что под ногами зияет мрачный колодец.

Он перешел двор, стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить Джигана Баттиста, который спал в нижнем этаже. В дровяном сарае в задней стене было решетчатое окошко. Оно выходило на канал и приходилось над землей не больше чем на четыре фута. Он вспомнил про это окно, вспомнил, что ржавая решетка в одном месте поломана. Можно будет расширить отверстие настолько, чтобы пролезть. Но решетка оказалась прочной. Он испарал себе руки и порвал рукав. Наконец он выбрался на улицу и стал осматриваться. Улица была безлюдна. Черный безмолвный канал отвратительной щелью проползал между прямыми липкими стенами. Беспросветной ямой мог оказаться неведомый мир, но вряд ли в нем найдется столько пошлости и грязи, сколько оставляет он за собой. Не о чем жалеть, не на что оглянуться. Позади оставалось стоячее болото жизни, полное грязной лжи, грубого обмана и злобония, такое мелкое, что в нем нельзя было даже утонуть.

С такими мыслями он шел по берегу канала, пока не вышел на маленькую площадь у дворца Медичи^[27]. Это здесь Джемма бежала ему навстречу с радостью на лице, с распростертыми объятиями. Вот мокрые каменные ступеньки, что ведут к каналу. А вот и крепость хмурится на полоску грязной воды.

По узким улицам он добрался до Дарсены, снял шляпу и бросил в воду. Ее, конечно, найдут, когда будут искать труп. Потом он пошел по берегу, соображая, что ему делать дальше. Нужно будет придумать, как спрятаться на каком-нибудь из судов. Это было не так-то легко. Единственное, что он мог сделать пока, – это направиться к громадному старому молу Медичи и дальше идти по нему. Там есть один кабачок. Может быть, посчастливится встретить в этом кабачке матроса и подкупить его.

Ворота доков были заперты. Как пройти через них, как миновать таможенных чиновников? С его деньгами нечего было и мечтать о крупной мзде, какой потребовали бы с него за пропуск в доки ночью, да еще без паспорта. И кроме того, его, чего доброго, узнают.

В тот момент, когда он проходил мимо бронзового памятника Четырех Мавров^[28], из старого дома на противоположной стороне доков показался силуэт человека. Он приближался к мосту. Артур сейчас же юркнул в густую тень за монумент и присел в темноте, осторожно выглядывая из-за угла пьедестала.

На блещущем звездами небе, с кое-где ползущими по нем жемчужными облаками, выделялись силуэты кораблей, словно фигуры рабов, закованных в цепи и тщетно пытающихся сбросить их. Вышедший из дома человек шел по берегу нетвердыми шагами, распевая во все горло какую-то уличную английскую песню. Это был, очевидно, матрос, возвращавшийся после попойки. Артур вышел на середину дороги. Кругом не было никого. Когда он подошел ближе, моряк с ругательством оборвал свою песню и остановился.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал Артур по-итальянски. – Вы понимаете, что я говорю?

Человек покачал головой.

– Нет толку объясняться со мной на этом тарабарском языке, – сказал он по-английски. А затем, переходя на скверный французский язык, сердито спросил: – Что вам от меня нужно? Чего вы стали поперек дороги?

– Идите-ка сюда на минуточку. Я хочу с вами поговорить.

– Вот как! А! Нож где-нибудь при вас?

– Нет-нет, что вы! Разве вы не видите, что мне нужна ваша помощь? Я вам заплачу.

– А? Что? Да вы и одеты франтом.

Моряк снова заговорил по-английски. Он отошел в тень и прислонился к ограде монумента.

– Ну, – сказал он, принимаясь снова за свой варварский французский язык, – так что же вам нужно?

– Мне нужно выбраться отсюда.

– Вот оно что! Прячетесь! Хотите, чтобы я вас укрыв. Гляди, что-нибудь натворили. Зарезали кого-нибудь? Это похоже на здешний народ! Куда же вы собираетесь удирать? Уж верно не в полицейский участок?

Он засмеялся пьяным смехом и подмигнул глазом.

– С какого вы судна?

– С «Карлотты». Ходит из Ливорно в Буэнос-Айрес. В одну сторону перевозит масло, в другую – кожи. Вот там оно, – и матрос ткнул пальцем по направлению мола. – Никуда не годная старая рухлядь.

– Буэнос-Айрес, вы говорите? Спрячьте меня где-нибудь на вашем судне.

– А сколько дадите?

– Да не очень много. У меня всего несколько паоли...

– Нет. Меньше пятидесяти не возьму. И то дешево для такого щеголя, как вы.

– Если вам приглянулось мое платье, можете поменяться со мной. Не могу же я дать вам больше того, что у меня есть.

– У вас есть часы. Давайте-ка их.

Артур вынул дамские золотые часы с эмалью тонкой работы. На задней крышке были вырезаны инициалы «Г. Б.». Часы принадлежали его матери. Но не все ли равно ему теперь?

– А-а! – воскликнул матрос, жадно оглядывая часы. – Краденые, разумеется? Дайте посмотреть!

Артур отдернул руку.

– Нет, – сказал он. – Я отдам вам эти часы, когда мы будем на судне, не раньше.

– А за всем тем вы не так глупы, как кажетесь. И все-таки держу пари – это ваша первая проделка. Ведь так?

– Это дело мое. А! Идет дозорный.

Они присели за монумент и ожидали, пока он пройдет. Затем матрос выпрямился, велел Артуру следовать за ним и пошел вперед, глупо смеясь себе в ус. Артур молча шагал сзади. Матрос привел его обратно к маленькой площади неправильной формы, примыкавшей ко дворцу Медичи: здесь в темном углу он приостановился и произнес таинственным полупшепотом, видимо предназначавшимся у него для секретных сообщений:

– Ждите тут.

– Куда вы идете?

– Раздобыть кое-какое платье. Не брать же вас с окровавленным рукавом!

Артур взглянул на рукав, разорванный решеткой окна. Несколько капель крови с поцарапанной руки попали на рукав. Очевидно, этот человек счел его за убийцу. Ну так что же? Какое ему дело, что думают о нем?..

Спустя немного матрос вернулся. Вид у него был торжествующий. Он нес под мышкой узел.

– Смените, – прошептал он, – да поторопитесь. Мне надо возвращаться на корабль.

Артур стал переодеваться. Он содрогнулся от отвращения, прикоснувшись к поношенному платью. По счастью, оно оказалось почти чистым, хотя было неуклюже и грубо. Когда он вышел на свет в новом одеянии, матрос посмотрел на него с пьяной торжественностью и важно кивнул головой в знак своего одобрения.

– Сойдет, – сказал он. – Сюда. Да не шумите.

Артур со скинутым платьем на руке пошел следом за ним по темным переулкам через лабиринт извилистых каналов.

Матрос остановился у мостика. Он посмотрел, чтобы убедиться, не заметил ли их кто-нибудь, и спустился по каменным ступенькам к узкой пристани. Под мостом покачивалась грязная лодка. Он грубовато велел Артуру прыгнуть в нее и лечь, а сам сел на весла и начал грести к гавани. Артур лежал не шевелясь на мокрых, скользких досках, под платьем, которое набросил на него матрос, и смотрел на знакомые постройки и улицы, проплывавшие мимо них.

Лодка остановилась перед длинным рядом связанных цепями мачт, которые лежали поперек канала через всю его ширину, загораживая узкий водный путь между таможенной и крепостью. Зевая, вышел сонный чиновник с фонарем и нагнулся над водой.

– Ваш паспорт!

Матрос сунул ему свои бумаги. Артур, закрывшись с головой, старался не дышать и чутко прислушивался к их разговору.

– Нечего сказать, самое время возвращаться на судно, – ворчал чиновник. – С кутежа небось. Что это в лодке?

– Старое платье. Купил по дешевой цене.

С этими словами он подал для осмотра жилет. Чиновник опустил фонарь и нагнулся, всматриваясь.

– Ладно. Можете ехать.

Он поднял шлагбаум, и лодка тихо поплыла дальше, покачиваясь на темной воде. Выждав немного, Артур поднялся и сбросил с себя тряпье.

– Вот он, мой корабль, – шепотом проговорил матрос после продолжительной и молчаливой гребли. – Идите следом за мной и, главное, молчите.

Он вскарабкался на палубу громоздкого темного чудовища, ругая про себя неловкого спутника, хотя Артур был от природы гибок и не так неуклюж, как был бы всякий другой на его месте.

Поднявшись на корабль, они стали осторожно пробираться меж темных снастей и наконец добрались до трюма. Матрос тихонько приподнял крышку.

– Полезайте вниз! – прошептал он. – Через минуту я вернусь.

В этой яме было не только сыро и темно, но и невыносимо душно. Артур попятился, задыхаясь от запаха гнилых кож и прогорклого масла. Но тут ему припомнился карцер, и он с отвращением стал спускаться.

Через несколько минут матрос вернулся.

Он держал что-то в руках, но что именно – Артур не мог разглядеть в темноте.

– Теперь давайте деньги и часы. Скорее!

Артур воспользовался темнотой и удержал при себе несколько монет.

– Принесите мне чего-нибудь поесть. Я очень голоден.

– Я принес. Вот.

Матрос передал ему кувшин, несколько твердых, как камень, сухарей и кусок соленой свинины.

– Теперь вот что. Завтра поутру придут для осмотра таможенные чиновники. Вам придется спрятаться в пустой бочке. Лежите смирно, как мышь, пока мы не выйдем в открытое

море. Я скажу вам, когда можно будет вылезть. Да смотрите, старайтесь не попадаться на глаза капитану. Ну, все! Питье у вас в надежном месте? Спокойной ночи.

Трюм закрылся. Артур поставил кувшин с драгоценным питьем в безопасном месте и, вскарабкавшись на пустую бочку, стал уничтожать свинину и сухари. Потом свернулся клубочком и в первый раз лег спать не помолившись. В темноте вокруг него бегали крысы. Но сон его не могли потревожить ни их неугомонный писк, ни покачивание корабля, ни тошнотворный запах масла, ни ожидание предстоящей назавтра морской болезни. Все это так же мало его беспокоило, как и те разбитые, развенчанные идола, которым он еще вчера поклонялся.

Часть вторая

Глава I

В один июльский вечер 1846 года во Флоренции, в доме профессора Фабрицци, собралась небольшая группа лиц, чтобы обсудить план предстоящей политической работы. Некоторые из них принадлежали к партии Мадзини^[29] и не мирились на меньшем, чем демократическая республика и объединенная Италия.

Другие были сторонниками конституционной монархии и либералами разных оттенков. Но все сходились в одном – в недовольстве тосканской цензурой. Популярный профессор Фабрицци созвал это собрание в надежде, что, может быть, хоть тяжелые условия печати объединят представителей расходящихся политических групп и заставят их попытаться прийти к каким-нибудь определенным результатам без лишних пререканий.

Прошло только две недели с тех пор, как Папа Пий IX, взойдя на престол, даровал столь шумевшую амнистию политическим преступникам в Папской области^[30], но волны либерального восторга, поднятого этим актом, уже катились по всей Италии. В Тоскане этот акт оказал даже воздействие на правительство. Профессору Фабрицци и еще кое-кому из флорентийцев, лидеров политических групп, этот момент показался благоприятным для того, чтобы направить все усилия на проведение реформы законов о печати.

В библиотеке Фабрицци, где происходило собрание, они выясняли теперь, какую позицию должны были занять в данный момент либералы.

– Само собой разумеется, что мы обязаны использовать момент, – заговорил певучим голосом один из присутствующих, уже пожилой седой адвокат. – В другой раз нам не придется увидеть такой благоприятной политической конъюнктуры, не удастся выдвинуть требования серьезных реформ. Но едва ли памфлеты^[31] окажут благотворное действие. Они только раздражат и напугают правительство и уже ни в коем случае не расположат его в нашу пользу. А ведь именно этого расположения мы и добиваемся. Нам следует помнить, что, раз власти составят о нас представление как об опасных агитаторах, нам нечего будет рассчитывать на содействие с их стороны.

– В таком случае что же вы нам предлагаете?

– В нашем распоряжении петиции.

– Великому герцогу?^[32]

– Да. Петиции о расширении свободы печати.

Сидевший у окна брюнет с живыми умными глазами со смехом обернулся.

– Многого вы добьетесь петициями! – сказал он. – Казалось бы, исход дела Ренци^[33] должен был излечить всякого от таких мечтаний.

– Я так же опечален, как и вы, синьор, тем, что нам не удалось помешать выдаче Ренци; я не хочу говорить неприятностей, но все-таки не могу не думать, что наша неудача произошла от нетерпеливости и горячности некоторых наших членов. Я, конечно, не решился бы...

– Все пьемонтцы никогда ни на что не решаются, – резко прервал его брюнет. – Не знаю, что вы называете нетерпеливостью и горячностью. Уж не тот ли ряд осторожных петиций, которые мы посылали? Это, быть может, для Тосканы и Пьемонта называется горячностью, но в Неаполе мы рассуждаем не так.

– К счастью, – заметил пьемонтец, – неаполитанцам приходится действовать только в Неаполе.

– Перестаньте, господа! Грассини голосует за петиции, а Галли – против них. А как вы думаете, доктор Риккардо?

– Я не вижу ничего плохого в петициях, и если Грассини составит петицию, я подпишу с большим удовольствием. Но я все-таки не думаю, чтобы можно было многого достигнуть этим путем. Почему бы нам не прибегнуть к петициям и к памфлетам?

– Да просто потому, что памфлеты вооружат правительство против нас и оно не обратит внимания на наши петиции, – сказал Грассини.

– Оно и без того не обратит внимания. – С этими словами неаполитанец поднялся и подошел к столу. – Не на правильном пути вы, господа. Соглашение с правительством ничего вам не даст. Нужно поднять народ.

– Легче сказать, чем сделать. Как вы приступите к этому?

– Смешно спрашивать об этом Галли. Конечно, он начнет с того, что хватит цензора по башке.

– Вовсе нет, – сказал Галли. – Вам так и кажется, раз перед вами неаполитанец, что у него не найдется иных аргументов, кроме ножа.

– Оставим это. Что вы хотите предложить? Тише! Господа, внимание! Галли хочет внести предложение.

Все общество, разбившееся на группы по два, по три человека, которые спорили в разных углах, теперь собралось вокруг стола, чтобы выслушать Галли.

– Нет, господа, это не предложение, а просто мне пришла в голову одна мысль. Видите ли, мне думается, что во всех этих ликованиях по поводу поведения нового Папы кроется опасность. Из того, что он взял новый курс политики и даровал амнистию, многие выводят заключение, что нам остается поручить себя, всех нас, всю Италию попечениям святого отца и предоставить ему вести нас в обетованную землю. Лично я, вслед за другими, готов удивляться новому Папе. Амнистия была блестящим актом.

– Его святейшество, я уверен, сочтет себя польщенным... – начал было презрительно Грассини.

– Перестаньте, Грассини. Предоставьте оратору слово! – прервал в свою очередь Риккардо. – Удивительная вещь: никогда вы с Галли не можете удержаться от перекоров. Совсем как кошка с собакой! Продолжайте, Галли!

– Я хотел сказать, – начал снова неаполитанец, – что святой отец, несомненно, поступает так с наилучшими намерениями. Другой вопрос, насколько удастся ему провести реформы. Теперь все идет гладко. Реакционеры по всей Италии, конечно, месяц-другой будут сидеть спокойно, пока не спадет волна возбуждения, поднятая амнистией. Но маловероятно, чтобы они без борьбы выпустили власть из своих рук. Мое личное мнение таково, что, прежде чем наступит середина зимы, иезуиты^[34], грегорианцы^[35] и санфедисты^[36] и вся их клика начнут строить новые козни и изводить отравой всех, кого они не смогут подкупить.

– Это очень похоже на правду.

– Так вот. Будем ли мы ждать, смиренно посылая одну петицию за другой, пока Ламбручини^[37] и его свора не убедят великого герцога подчинить нас иезуитам, призвав еще, может быть, австрийских гусар наблюдать за порядком и держать нас в дисциплине, или мы предупредим их и воспользуемся их кратковременным замешательством, чтобы первыми нанести удар?

– Скажите нам прежде всего, в чем должен состоять этот удар?

– Я предложил бы начать организованную пропаганду и агитацию против иезуитов.

– Да ведь фактически это будет объявлением войны.

– Да, мы разоблачим их интриги и козни и обратимся к народу с призывом объединиться на борьбу с иезуитами.

– Но ведь ни о каких иезуитах здесь не слышно. К чему же их изобличать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Пиза – город в Тоскане, один из крупнейших центров итальянской культуры.

2.

Каноник – священник католической церкви, занимающий штатную должность при соборе.

3.

Падре (ит.) – отец; у итальянцев – обычное обращение к священнику.

4.

«Об исцелении прокаженного». – В Евангелии есть рассказ об исцелении прокаженного Христом.

5.

...здание старинного доминиканского монастыря... – Принадлежащий монашескому ордену доминиканцев, основанному в XIII в. испанским проповедником Домиником для борьбы против еретиков и вольнодумцев.

6.

Корнуолл – провинция в Англии.

7.

Ливорно – крупный портовый город на Лигурийском море, неподалеку от Пизы.

8.

Помни – он протестант. – Отношения между католиками и протестантами, которые долгое время вели между собой кровавые войны, даже в XIX в. были крайне враждебными.

9.

Остров Руссо – остров на Роне, где установлен бюст французского мыслителя и писателя Жан-Жака Руссо (1712–1778), уроженца Женевы.

10.

Шале – швейцарский сельский домик.

11.

Методисты – религиозная секта, возникшая в XVIII в. в Англии.

12.

«Молодая Италия» – революционная организация, существовавшая в Швейцарии в 30-х гг. XIX в. и руководимая Мадзини. Она стремилась к политическому объединению Италии на республиканской основе.

13.

«De Monarchia» («О монархии») – сочинение великого итальянского поэта Данте Алигьери (1265–1321), выдвигавшее идею создания сильного, объединенного итальянского государства, возглавляемого не Папой, а светской властью.

14.

Ватикан – папский дворец в Риме; в переносном смысле – папская власть, правящие круги римско-католической церкви.

15.

Santa Catarina – церковь Святой Екатерины в Пизе.

16.

Калабрия – горная область в Неаполитанском королевстве.

17.

Флоренция – в то время столица Тосканы.

18.

...ждали парохода с транспортом книг. – В Ливорно из Марселя шли в то время тайные грузы общества «Молодая Италия» – газета «Молодая Италия», которую Мадзини выпускал в Марселе, политические брошюры и книги.

19.

Двое из них пишут в газетах. – Подразумевается газета «Молодая Италия».

20.

Филистер – обыватель, человек с кругозором мещанина, лицемер.

21.

...Христос изгнал менял из храма... – В Евангелии есть рассказ о том, как Христос изгнал всех торгующих из Иерусалимского храма, опрокинул скамьи менял и продавцов голубей.

22.

Синьорино – молодой синьор.

23.

«Ave, Maria, Regina, Coeli» – «Радуйся, Мария, Царица Небесная...» (лат.) – слова молитвы, обращенной к Богородице.

24.

Палаццо – дворец, особняк.

25.

Белладонна – лекарственное растение.

26.

Паоли – серебряная монета.

27.

Медичи – старинный род правителей Флоренции.

28.

Памятник Четырех мавров – памятник тосканскому герцогу Фернандо I Медичи в Ливорно. У пьедестала этого памятника прикованы бронзовые фигуры четырех мавров.

29.

Мадзини (1805–1872) – итальянский революционер, был изгнан из Италии. Организовал в Марселе тайное общество «Молодая Италия» для утверждения демократической республики в своей стране. Заочно был приговорен за это к смертной казни. С 1842 г. жил в Лондоне. В качестве публициста неутомимо работал для итальянской революции.

30.

Папа Пий IX... даровал столь нашумевшую амнистию политическим преступникам в Папской области. – Папа Пий IX, сменив в 1846 г. на папском престоле Григория XVI, пытался рядом либеральных мер отвести опасность революции и завоевать симпатию интеллигенции. Среди этих мер была амнистия политическим заключенным и эмигрантам. В дальнейшем, напуганный революционными событиями 1848 г., Папа Пий IX продолжал обычную реакционную политику своих предшественников.

31.

Памфлет – распространенный вид политической литературы, содержащей сатиру, а еще чаще – острую критику какого-либо политического деятеля.

32.

Великий герцог – Леопольд II, герцог Тосканский.

33.

Ренци – вождь восстания, организованного в Римини (Папская область) в 1846 г.; был выдан тосканским правительством Папе.

34.

Иезуиты («Общество Иисуса») – католический религиозный орден, основанный в 1539 г. Игнатием Лойолой для распространения католицизма.

35.

Грегорианцы – сторонники политики Григория XVI, противники либеральных реформ, предпринятых Папой Пием IX.

36.

Санфедисты – члены «Общества последователей святой веры», основанного в 1799 г. итальянскими мракобесами для борьбы с освободительным движением. Ненавидя народ, санфедисты не раз поддерживали австрийцев.

37.

Ламбручини – кардинал, государственный секретарь Папской области при Папе Григории XVI; оказывал помощь австрийцам и сам опирался на них в борьбе против итальянского народа.